

ИГОРЬ ЕПИФАНОВ

НЕФИЛИМ

Игорь Епифанов

Нефилим

«Издательские решения»

Епифанов И.

Нефилим / И. Епифанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503001-6

ИСТИНА — самодостаточна, она сама заключает в себе свое обоснование, и потому любые критерии ее истинности не более чем гипотезы. Но и здесь, я полагаю, возможны исключения, в частности, самое глобальное: мы уже существуем внутри этой ИСТИНЫ, она есть само наше бытие, но знание это открывается лишь в момент «обнуления», и прозревший, постигший Истину уже никак не может сообщить свое знание кому-то другому. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-503001-6

© Епифанов И.
© Издательские решения

Содержание

На обратной стороне Луны	6
ПРОЛОГ	7
ГЛАВА ПЕРВАЯ	14
ГЛАВА ВТОРАЯ	18
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	25
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. МОМЕНТЫ ИСТИНЫ	31
ГЛАВА ПЯТАЯ. РЕНА	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Нефилим

Игорь Епифанов

© Игорь Епифанов, 2019

ISBN 978-5-0050-3001-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На обратной стороне Луны

Первое, что я услышал, был звук, точнее, не звук в обычном частотном диапазоне, на который настроены струнные лабиринты по обеим сторонам черепа, а вибрацию, вызванную каким-то внешним излучателем. Вибрация ощущалась чуть ниже правого колена, из чего следовало, что излучатель мог находиться либо под видимой горизонтальной поверхностью, либо среди окружающих вертикалей, точнее, древесных стволов, и скрываться либо под эпидермисом или, в просторечии, корой, или на дне какой-либо из лакун или дупел, неизбежно возникающих в подобно рода структурах с течением времени. Оговорюсь сразу: к словам «время», «пространство» и прочим подобным я буду прибегать с единственной целью – сохранить мое послание как инвариант, который, возможно, вновь станет доступен для восприятия, когда ныне существующие способы накопления и передачи информации исчезнут вследствие каких-либо катаклизмов, и уцелевшим, быть может, удастся вернуться в «точку невозврата», воспроизвести и остановить то мгновение, когда Бытие вдруг претворилось в Ничто, сохранив каким-то чудом всю Видимость Неизменности

Ничто из того, что воспринимали структурированные гелиевые отражатели, выстилающие донца парных симметричных кратеров, или проще, глаз – устаю порой от этой универсальной, но несколько тяжеловесной, лексики – не исчезло. Так же стояли дома, так же щелкали под пальцами тумблеры, вспыхивали указатели на сенсорных мониторах, определявших направление и скорость движения юзера относительно ему подобных, а в случаях, когда чей-то гаджет давал сбой, тотальная «система» производила коррекцию и выбраковывала «лузера» путем либо частичного, либо полного уничтожения. Катастрофы случались: авто, авиа, ж/д; причины их пытались определить по записям регистраторов, пока кто-то (личность этого гения тщательно скрывается Белыми) не соотнес даты и места этих происшествий с записями в вахтенных журналах астрофизических обсерваторий, где фиксировались все параметры Вселенной в пределах разрешающих способностей отражателей. Они, разумеется, были на много порядков выше тех, что были отпущены нам Создателем или Богом, и все попытки отрицать Его как Первопричину, не имеющую иных истоков, кроме Себя Самой, со временем были признаны несостоятельными. Ибо как ни повышались разрешающие способности регистраторов, призванных в итоге упереться в какие-то окончательные, поддающиеся твердой фиксации, структуры, их «мембраны» вновь оказывались проницаемыми, а волны излучателей проваливались в бездонность подобно антигравитаторам, запущенным в межгалактическое пространство с целью достичь «горизонта событий», подобного тому, что возникает на внешней стороне гаснущей звезды в тот момент, когда она обращается в «черную дыру».

ПРОЛОГ

Я весь как бабочка под мутным колпаком
Распят, растянут меж Ничто и Нечто.
Обрывок надписи на куске обшивки, найденной
на обратной стороне Луны.

Первое, что я услышал, был звук, точнее, не звук в обычном частотном диапазоне, на который настроены струнные лабиринты по обеим сторонам черепа, а вибрацию, вызванную каким-то внешним излучателем. Вибрация ощущалась чуть ниже правого колена, из чего следовало, что излучатель мог находиться либо под видимой горизонтальной поверхностью, либо среди окружающих вертикалей, точнее, древесных стволов, и скрываться либо под эпидермисом или, в просторечии, корой, или на дне какой-либо из лакун или дупел, неизбежно возникающих в подобно рода структурах с течением времени. Оговорюсь сразу: к словам «время», «пространство» и прочим подобным я буду прибегать с единственной целью – сохранить мое послание как инвариант, который, возможно, вновь станет доступен для восприятия, когда ныне существующие способы накопления и передачи информации исчезнут вследствие каких-либо катаклизмов, и уцелевшим, быть может, удастся вернуться в «точку невозврата», воспроизвести и остановить то мгновение, когда Бытие вдруг претворилось в Ничто, сохранив каким-то чудом всю Видимость Неизменности.

Ничто из того, что воспринимали структурированные гелиевые отражатели, выстилающие донца парных симметричных кратеров, или проще, глаз – устаю порой от этой универсальной, но несколько тяжеловесной, лексики – не исчезло. Так же стояли дома, так же щелкали под пальцами тумблеры, вспыхивали указатели на сенсорных мониторах, определявших направление и скорость движения юзера относительно ему подобных, а в случаях, когда чей-то гаджет давал сбой, тотальная «система» производила коррекцию и выбраковывала «лузера» путем либо частичного, либо полного уничтожения. Катастрофы случались: авто, авиа, ж/д; причины их пытались определить по записям регистраторов, пока кто-то (личность этого гения тщательно скрывается Белыми) не соотнес даты и места этих происшествий с записями в вахтенных журналах астрофизических обсерваторий, где фиксировались все параметры Вселенной в пределах разрешающих способностей отражателей. Они, разумеется, были на много порядков выше тех, что были отпущены нам Создателем или Богом, и все попытки отрицать Его как Первопричину, не имеющую иных истоков, кроме Себя Самой, со временем были признаны несостоятельными. Ибо как ни повышались разрешающие способности регистраторов, призванных в итоге упереться в какие-то окончательные, поддающиеся твердой фиксации, структуры, их «мембраны» вновь оказывались проницаемыми, а волны излучателей проваливались в бездонность подобно антигравитаторам, запущенным в межгалактическое пространство с целью достичь «горизонта событий», подобного тому, что возникает на внешней стороне гаснущей звезды в тот момент, когда она обращается в «черную дыру».

Состояние тех, кто сами же и сотворяли подобные казусы, наверное, можно было бы определить как Ужас, но Белым путем замысловатых селекционных комбинаций, удалось частично заблокировать участки ДНК, с которых считывалась информация о структурах, реагирующих на внезапные изменения во внешней среде. Это позволило им вывести Бесстрастных – особую касту слугителей Культа Ничто: им одним было дозволено создавать пробные алгоритмы, как теоретические, так и технические – обычно, но не в 100% случаев, на тех же теоретических предпосылках. Путаница в этой области порой возникала фантастическая, тем более, что побочным эффектом при сотворении Бесстрастных оказалось полное блокирование сдерживающих факторов, отчего со стороны их собрания выглядели как сборища безумцев. Они либо

согласно молчали, уставившись в им одним видимую точку среди звездной сыпи, либо вдруг все вскакивали и, указывая пальцами в ту же самую точку, в то же время отчаянно лупили друг друга по кистям рук.

Удары, впрочем, были едва ощутимы. От долгого сидения на одном месте – обычно в креслах, управляемых посредством чипов на крышках черепов – мышцы большинства почти атрофировались и если бы не подобные стычки, исчезли бы вовсе, а сами Бесстрастные уподобились бы костякам, обтянутым кожей с проступающими сосудами и суставами, вздутыми от ревматизма.

Были у них и иные «форматы» общения, кроме этого, атавистического рукосуйства. Касались они по большей части «истории постижения», или, что, в общем то, почти то же, «проникновения» в Ничто, где Бесстрастные были абсолютными знатоками, но чаще находили поводы для глумления, нежели для восхищения прозрениями предшественников, которые они, тем не менее, обычно заключали в язвительные «кавычки».

Особенно забавляли их такие слова как «скорость», «энергия», «масса», значки для обозначения которых порой возникали на мониторах среди бесконечных цифровых последовательностей, рядов, столбцов, множеств, заключавших в себе все нынешнее так называемое «знание». «Значки» всплывали из глубин этого океана чисел подобно допотопным чудовищам, тела которых порой находили обитатели прибрежных зон во время прогулок по длинным прозрачным галереям, скрупулезно повторявшим малейшие изгибы береговой линии. Галереи были устроены для защиты от мощнейших цунами, вздыбливавших Океан при извержениях донных вулканов. Застать обитателей врасплох они не могли. Тотальная структура воспринимаемого мира, воспринимаемого регистраторами, была переведена в динамические цифровые матрицы, и те же Бесстрастные фиксировали их мельчайшие возмущения задолго до того, как на поверхности воды начинала вспухать гигантская гора, похожая по форме на те огненные «грибы», что с тупым упорством сотворяли наши далекие предшественники. Изображения этих «грибов», сжигавших целые континенты, порой случайно, как и «значки», вспыхивали на мониторах, вызывая у Бесстрастных приступы ритмичных содроганий, при которых их тонкие, прозрачные как медузы, кисти, впивались в подлокотники кресел, а рты в такт содроганиям издавали весь частотный диапазон, доступный редуцированным голосовым связкам.

Понять, как сами Бесстрастные относятся к своему облику и существованию было совершенно невозможно. Контакты с ними были доступны только Белым, да и то через сложную многоуровневую систему шифров, созданную для того, чтобы блокировать все попытки проникновения в Базу, сама структура которой была настолько сложна, что не поддавалась единому описанию. По слухам она была похожа на Древо, точнее, Сад с множеством Дерев, каждое из которых опекалось особым кланом Бесстрастных, следивших за состоянием и, главное, сохранностью кристаллических наростов на их ветвях. В просторечии эти наросты называли «яблоками»; беглому взгляду они представлялись гладкими сферами, но впечатление это было обманчиво: разрешающая способность глаза была на много порядков ниже, нежели размеры кристаллических граней, выстилавших их наружную поверхность.

К тому же внутри самих «яблок» – этого кристаллического множества – похоже, гнезвился некий импульс, под действием которого кристаллы непрерывно дробились, и те их грани, что выстилали поверхность «яблок», множились, стремясь вытеснить мельчайшие зазоры, отделявшие их от идеальной, доступной воображению лишь Белых и Бесстрастных, сферической поверхности. Вычислением степеней этого дробления, его прогрессии, занимались исключительно Бесстрастные; Белые считали эту работу чисто технической и лишь изредка снисходили до проверки тех или иных вычислений. И все же именно они стояли во главе исследования всего Процесса, итогом которого должно было стать полное исчезновение нечто, его последних остатков, тех самых «зазоров», что упрямо отделяли грани кристаллов от идеальной сферы. Ибо с исчезновением зазоров само нечто обращалось в ничто, которое все же сохраняло в себе

нечто от нечего, и этот остаток был последней, далее уже не дробимой, Структурой, взрыв которой породил Все. Догадка о ее существовании возникла в ней самой как раз в момент Взрыва, когда Ничто породило Нечто, которое путем долгих метаморфоз – их подсчетом так же занимались Бесстрастные – приняло одну из тех форм, которая обрела способность к самовоспроизведению.

Впрочем, кое-кто, похоже, подозревал, что и все видимое, осязаемое, то, что наши далекие предки определяли странным словечком «материя» – Бесстрастные, натываясь на него в вихревом потоке чисел, заходились в приступах коллективной истерии – и есть искомое Ничто, произведенное некоей загадочной Матрицей с целью... Здесь любая мысль или догадка неизменно останавливалась, застыла в зыбкой тревоге подобно слепому, достигшему края пропасти и тыкающему белой тростью в разверзшуюся бездну. Страшнее могло быть лишь представление самого себя, своего тела как призрачного, фантомного образования, структурой, алгоритмом, короче, всем, чем угодно, только не реальной плотью, окруженной такими же, как сказал один из наших далеких предков, «пузырями Земли». Белые как могли боролись с этими атавизмами, сканировали яйцеклетки в матках, проникновение сперматозоидов в моменты экспериментальных коитусов, но молекулярные структуры и их тончайшие связи порой все же оставались за пределами разрешающей способности сканеров, и «ошибка», раз возникнув, множилась в геометрической прогрессии и распознавалась лишь в момент, когда ее носитель вдруг словно пробуждался от сна.

Внешне это было почти незаметно, но опытный взгляд, точнее, сенсорный датчик, чип, внедряемый каждому новорожденному с первым глотком воздуха, тут же отправлял в «Базу» импульс, рождавший микро-вспышки на мониторах слежения. Далее все происходило в автоматическом режиме. Импульс обрабатывался, определялись его волновые, частотные параметры, и на их основе формировался направленный поток античастиц, разрушавший атавистическое образование. Вслед за этим его носителя либо погружали в прежнее состояние, но если это не удавалось – каждый случай был сугубо индивидуален – «субъект» (был слух, что само это словечко приводило Белых в неистовство) аннигилировался или «обнулялся». Такая программа была разработана давно, и с течением времени, трудами Бесстрастных, усовершенствована до такой степени, что «носитель атавизма» исчезал во мгновение ока, оставляя по себе лишь нечто типа небольшой, с ладонь, «темной туманности», сгущавшейся в шар размером с куриное или даже голубиное яйцо.

Оставалось решить две проблемы. Первая была в том, что «яйца» – так для краткости обозначали эти туманности – не исчезали без остатка, т.е. их Нечто не обращалось в полное Ничто. И вторая, по сути вытекавшая из первой: остаточное излучение «яиц» было крайне нестабильно и непредсказуемо – длина волн, «спинов» и импульс испускаемых частиц колебались столь резко, что зачастую напрочь выжигали программное обеспечение «обнулителей». И это было еще не самое худшее, ибо в случаях, слава Богу, не частых, когда программа выжигалась не полностью, ее «остаток» мутировал, образуя и запуская в Сеть вирусы столь сложной природы, что для защиты от них нужно было разрабатывать особые программы. Вы, наверное, обратили внимание на мою атавистическую оговорку: слава Богу – она выскочила внезапно, под влиянием нахлынувших эмоций. Тот, кому такая «несдержанность» автора, представляется непростительной, в частности адептам Клин-Культа или «чистым», чей Устав радикально исключает любые проявления атавизмов, могут отложить мои записки не читая. Это могут быть Белые, Бесстрастные – внутри Ордена нет кастовых различий, там своя иерархия. Думаю, так и будет: страх перед Бдящим («Я-двойник», внутренний «цензор»; прим. Автора), предрассудки окажутся сильнее любопытства, сиречь, суеты.

Но мной движет не суетность, а стремление к Истине, окончательной, вселенской. Попытка, как и все предшествующие, обречена изначально, по определению, ибо Истина – ИСТИНА – самодостаточна, она сама заключает в себе свое обоснование, и потому любые

критерии ее истинности не более чем гипотезы. Но и здесь, я полагаю, возможны исключения, в частности, самое глобальное: мы уже существуем внутри этой ИСТИНЫ, она есть само наше бытие, но знание это открывается лишь в момент «обнуления», и прозревший, постигший Истину уже никак не может сообщить свое знание кому-то другому.

Эта мысль пришла ко мне тогда, когда я как раз занимался разработкой новейшего Обнулителя. В детали не вдаюсь – дал подписку – но его техническая идея состояла в создании ускорителя, где темные яйцевидные уплотнения, возникающие в момент «обнуления», разгонялись до предельных скоростей и окончательно аннигилировались при столкновении. Занималась этим относительно небольшое подразделение: человек 50 – 200. Более точную цифру я назвать не могу; «Константа» – кодовое название – была построена по принципу «пирамиды», разбита на «пятерки» или «звенья», где только один из «звена» имел связь с одним из «звеньевых» следующего, более высокого уровня.

«Звено», в которое входил я, находилось, по моим догадкам, чуть выше среднего уровня Конуса. Мне по жребии – нашему «уровню» позволялась эта атавистическая забава, где «шляпой» служил отработанный топливный цилиндр, а «жеребиями» чипы с кодировкой задания – выпало определение возможных последствий одномоментного столкновения трех и более «яиц». Предстояло составить программу, учитывающую 7 в п-ой – точнее не могу; «подписка» – факторов, и передать результат в распоряжение следующего «уровня», чтобы те спроектировали Суперпоглотитель, нейтрализующий эти ошметки независимо от их характеристик: частотных, спинальных, волновых и проч. Полагаю, это могут быть обрывки так называемых «струн»; попытка представить еще более мелкую структуру парализует мое воображение. Итогом работы Константы должно было стать создание виртуального эквивалента тому процессу, что совершался в «яблоках» при дроблении кристаллов и беспредельном умножении числа их граней в стремлении слиться с внутренней поверхностью Сферы. А отсюда до практического овладения всей мощью ничто оставался, выражаясь образно, один шаг. В случае успеха оставался нерешенным один, но самый, быть может, Последний Вопрос: кто кем или Что Чем овладеет при достижении Тождества. Что нас ждет: тотальная Аннигиляция, Обнуление или, напротив, вечное нечто, застывшее в неподвижности остановленных мгновений?

Но ни Белых, ни Бесстрастных эта проблема, похоже, не занимала; их интриговал сам процесс независимо от конечного результата. Внушать им, в особенности, Бесстрастным, какие-то сомнения было все равно, что пилить кирпич человеческим волосом. При взгляде с моего, далеко не самого низкого уровня «постижения», сообщество Бесстрастных представлялось сплошной каменной стеной, лица, части тел и складки одежд выступали из ее глади подобно барельефам, украшающим стенки древних гробниц и уцелевшие фрагменты разрушенных храмов. С таким же успехом можно было взывать к Белым; они были недоступны как те божества, в честь которых когда-то воздвигались те, давно разрушенные, храмы.

И тем не менее Константа упорно продолжала свои изыскания, словно каждый ее участник был запрограммирован на решение отдельной задачи и напрочь лишен хоть какой-то доли воображения, чтобы представить себе, к чему его труд может в итоге привести.

Подобные казусы в истории случались. Их скрывали, стирали из памяти базовых компьютеров, но какие-то фрагменты все же оставались и внезапно возникали на мониторах, когда кто-нибудь по рассеянности или от усталости набирал на клавиатуре случайную комбинацию символов, которая вдруг оказывалась кодовой. Полученные таким образом знания интриговали своей неполнотой и скрытой за ней таинственностью; любые, даже невольные, проникновения в эти сферы строго карались (Аннигиляция, Обнуление – см. выше), но эффект от этих мер, угрозы и пр. часто оказывался прямо противоположен заявленной цели. «Юзер» – вероятность «попадания» не зависела от квалификации – впадал в своего рода зависимость от фантомных миражей на мониторе и готов был часами, сутками перебирать сенсорные датчики, чтобы вызывать из мерцающей бездны все новые и новые видения.

Зачастую это заканчивалось полным помешательством, внешне схожим с теми экзотическими приступами, что овладевали Бесстрастными в моменты «прозрений». Тряска, кружение на одном месте, падения, конвульсии. Для начала такого «юзера» выбраковывали, и дальнейшую его участь решал специальный консилиум, составленный из Белых и Бесстрастных в соотношении 3: 14, установленном наугад, по жребию на чипе. Одно это указывало на то, что консилиум был задуман как чистая формальность, но так как от его диагноза зависела передача «дела» в ведение Трибунала, утверждавшего решение об Обнулении, то при каждом переизбрании в состав консилиума стали проникать то не вполне Белые, то не до конца Бесстрастные. А так как решение о передаче в Трибунал по Уставу должно было быть единогласным, то для его отмены и перевода «юзера» в касту «бракованных» довольно было и одного голоса. Впрочем, от этого их дальнейшая участь была не менее ужасна. Их принудительно чипировали и передавали в ведение особого Центра «Л-18», где из них составляли группы для выполнения простейших физических операций. Технически это было проще изготовления специальных механизмов – таковые, в сущности, были уже готовы – но какая-то экономическая выгода от работы этих несчастных просматривалась.

Так что когда на моем мониторе расцвел «огненный цветок», венчавший одну из тупиковых «веточек» Витального Древа, прозрение осенило меня как та же вспышка. Риск впасть в зависимость был невелик – я устойчив, но не хочу сейчас отвлекаться на прецеденты; гораздо опаснее была вероятность, что меня засекут и передадут на освидетельствование, не дожидаясь первого припадка. Дальнейшие перспективы представлялись мне туманными. У меня был в комиссии «свой» человек; его голоса было достаточно, чтобы «Дело» не ушло в Трибунал, но я думаю, что такой вариант развития событий не грозил специалисту моего уровня ни при каком раскладе. Мы были, что называется, «штучным товаром», и каждый был наделен от рождения неким особенным даром: интуицией, сверх-восприимчивостью по отношению к таким явлениям, которые все еще оставались за гранью разрешающих способностей искусственно созданных приборов.

Нас отбирали из тысяч в самом раннем возрасте, на стадии, когда дитя еще не вполне осознало свое существование как самоценность, отдельную от мира, не говоря о том, чтобы утвердиться в этом мире как тождественная ему Сущность. От того периода, точнее, стадии как перемены внутреннего самоощущения, в моей памяти остались мгновенные вспышки вроде тех, что возникали на мониторах при случайных программных сбоях («огненный цветок»; см. выше). Относительно природы этих «вспышек» существует около десятка гипотез, разница между которыми представляется мне чисто терминологической, если не считать главного, фундаментального разделения между так называемыми «мужскими» и «женскими» версиями. Я не буду вдаваться в детали этих различий, дабы не перегружать свои «записки» отвлекающими подробностями. Скажу лишь, что «мужские» версии кажутся мне убедительнее; они более корректны по отношению к лично моим «картинкам», где я вижу себя как будто со стороны, а источник света, точнее, волновой излучатель, работающий в среднем диапазоне, скрыт за высоким темным силуэтом, напоминающим человеческую фигуру. «Волны» обтекают ее в таком замедленном темпе, что я различаю в их потоке не только отдельные частицы: фотоны, мезоны, кварки – но «вижу», как они исчезают, сливаются, расщепляются, порождая тончайшие вибрации, обволакивающие все мое существо и словно растворяющие меня во мне самом. Я не уверен, что смог адекватно передать свое ощущение, но те, кому довелось его испытать, я думаю, меня поймут. Быть может, именно оно и было положено в основу отборочного тестирования, но те, кто его прошел, словно по умолчанию никогда, даже в моменты полного раскрепощения, не говорили об этих «картинках» между собой. Слух, что до них докапываются специалисты из Центра «Л-18» обсуждается почти интимно, из уст в уста, но считается, что убедиться в его достоверности можно лишь на личном опыте, который изымается из «материнских плат» теми же «спецами» по окончании сеансов «откровения».

Центр «Л-18» почему-то не вызывал у меня особых опасений. Режим там был сравнительно мягкий; некоторые, пройдя реабилитацию и вернувшись к обычной жизни, вспоминали о нем с теплым чувством. Говорили о цветах, в изобилии заполнявших подоконники, о маленьких пушистых зверьках, чьи мягкие лапки пробуждали пациентов по окончании сеансов «откровения» (считалось, впрочем, что именно эти контакты стирали из памяти последние следы атавистических «вибраций»); многие без слез не могли вспоминать о видах из окон, хоть и забранных изящными коваными решетками, но застекленных такими фасеточными стеклами, которые позволяли не только созерцать множество разнообразных ландшафтов, но и достигать взором самых отдаленных пределов доступной созерцанию Вселенной. Впрочем, к этим секторам, опасаясь «срывов», допускали лишь с позволения «спецов»; наблюдение за «созерцающими» считалось последним этапом серии исцеляющих «сеансов».

Кстати, мой ближайший коллега, или сосед по «камере» – так мы в шутку называли наш рабочий «отсек», проходил эти психотерапевтические курсы дважды и, похоже, ничуть от этого не страдал. Во всяком случае, я не замечал за ним каких-либо отклонений: интеллект оставался в полной сохранности, на мои обращения как по работе, так и простые, в порядке расслабления, он реагировал адекватно, и лишь когда мы прерывались на перекур или на чашку кофе, порой излишне торопливо щелкал зажигалкой над пенковым чубуком моей трубки или, уставившись в пространство, странно постукивал об блюдечко донцем кофейной чашки. Зажигалка у него, впрочем, тоже была не совсем обычная; огонек вспыхивал не от чипа, вживленного под ноготь вертикально выставленного среднего пальца – жест этот из оскорбительного со временем преобразился в знак «мужской силы» – а возникал над черным скрюченным фитильком под действием излучателя, составленного из двух кремниевых кристаллов, приводимых в динамическое касание зубчатым диском диаметром 341 микрон. Диск был укреплен над верхним обрезом латунного цилиндра, в донце которого было круглое, диаметром 287,5 микрона, отверстие, запиравшееся медной пробочкой, на внешней стороне которой смутно проступал почти стертый пальцами значок, похожий на какое-то насекомое. Цилиндр наполнялся через скрытой под пробочкой отверстие; горючим для фитилька, служила прозрачная, с радужным отливом, жидкость, запах которой вызывал во мне какое-то смутное беспокойство. Порой такие же или близкие по амплитуде вибрации проникали в сенсоры моего носа, когда я после или до рабочего дня прогуливался в окрестностях Пирамиды, заваленных беспорядочными грудями истлевших, отработавших свой срок, механизмов, бывшие функции которых можно было выяснить лишь из специальных руководств, собрание которых еще не успели до конца оцифровать.

Но в тот день, с которого я начал вести свои «Записки», странная вибрация проникла в меня чуть ниже правого колена, потревожив не сами сенсоры, а волокна, ведущие от сенсоров к Тотальному Анализатору – этой неуклюжей лингвистической химерой Белые упорно пытались заместить привычный «головной мозг». Он же, кстати, и подсказал мне слово, обозначающее место, где застала меня эта странная вибрация: «кладбище» или, иначе, собрание останков наших далеких предков, живших в те времена, когда срок человеческой жизни определялся зашифрованным в генах числом «циклов», по истечении которого регенеративные цепочки изнашивались до распада на отдельные звенья и обрывки длинномерных молекул. В ходе этого распада витальное излучение постепенно угасало, и когда галактический «фон» окончательно подавлял его, наступало конец, зачастую обрывавший «цикл» в самый неожиданный момент. «Аннигиляция» или «Обнуление» призваны были упорядочить этот хаос. «Субъекта» извещали о грядущей процедуре задолго и лишь после того, как на его освобождающееся место избирали или назначали адекватного, функционально-тождественного, заместителя. В целях так называемого «Прогресса» – Белые упорно придерживались этого нелепого заблуждения – заместителя избирали из прошедших тестирование и поступивших в дальнейшую обработку, так что дата грядущего «Обнуления» зависела исключительно от скорости и эффективности

«стажировки». Были случаи, когда «кандидат» ломался в ходе «обработки», и тогда «Обнуление» либо откладывалось, либо отменялось вообще. Но это бывало настолько редко, что даже не заслуживало занесения в «Анналы», дабы не возбуждать напрасных надежд и попыток отыскать в этих аномалиях какую-либо закономерность или причинно-следственную связь. Этого, как говорили «Древние» (шутка!), «нет, потому что этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Dixi!

Итак, я начал с того, что оказался в окружении так называемых «могил», подземных бункеров, расположенных в том же порядке, в каком «Древние» возводили свои жилые постройки. Похоже, у них были какие-то неясные, наивные и, естественно, ложные представления о «двух мирах», причем и тот и другой, если судить по оставленным свидетельствам, они представляли столь явственно, что я никак не мог понять, в чем они видели между ними принципиальное различие. Оно просматривалось лишь в незначительных, второстепенных, деталях и диапазонах излучаемых этими деталями волн. Вибрация, потревожившая участок плоти под моим правым коленом, похоже, исходила из мира, который Древние именовали «потусторонним». Гения, представившего пространство в виде кольца-спирали с односторонней плоскостью, они не поняли и отнесли в разряд шарлатанов.

Итак, я стоял среди крестов, замшелых, покосившихся, поваленных на ржавые оградки с копьевидными столбиками. Как я здесь очутился было не ясно мне самому. Во время долгих прогулок в окрестностях Пирамиды мне порой случалось впадать в задумчивость, и я выходил из этого состояния тогда, когда мысль, поглотившая мое внешнее внимание либо приходила к удачному разрешению, либо упиралась в глухой безнадежный тупик. Но тут толчок пришел извне, и я сразу понял, что не покину это место, пока не обнаружу его источник. Я замер, как столб, и начал осторожно поворачивать колено из стороны в сторону, чтобы определить направление поиска.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Прогресс Есть Свобода»

слоган

Прежде, чем продолжить описание самого поиска, хочу внести некоторую ясность. Мне, конечно, могут тут же возразить: если «ясность», то почему «некоторая». Это те, кто считают, что «ясность» и «истина» – синонимы, т.е. понятия абсолютно тождественные. Жесткие, сухие экспериментаторы, они требуют, чтобы любая умственная конструкция: слово, группа символов, знак – была точным эквивалентом конкретной физической реальности. Стоит, говорили они, отступить от этого принципа, как все наши вычисления, логические построения, программы, как бы доказательно они ни выглядели, превратятся в операции с «мнимыми величинами», не имеющими никакого практического приложения. Мол, это не более, чем игры, забавы, детские шалости; для тех, кто придает этому серьезное значение, они даже отыскивали где-то в «анналах» определение «инфанты», которое словно лопалось уже в момент произнесения. «Инфанты», иронизировали эти скептики, выдувают «мыльные пузыри», которые лопаются, едва коснувшись первой попавшейся «точки». «Точками» на их языке означались любые импульсы, оставляющие след на мониторе. «Точка» фиксировалась, определялись ее параметры, величина заряда, данные сверялись с множеством справочников, и если в них не находилось аналогичной «точки», ей присваивалось новое название, под которым она и заносилась в Каталог.

«Инфанты», впрочем, тоже умели за себя постоять. Экспериментаторов они называли «крохоборами»: тоже словечко из «анналов», звучащее как ритмичный шорох и сухие щелчки роботов-уборщиков, ползающих по полам и стенкам рабочих секций, собирающих в накопители окурки, обгрызенные ногти и отдирающие комочки жвачки от столов и изнаночных поверхностей мониторов. Этот «мусор» считался – и справедливо! – одним из «атавизмов». С этим явлением пытались бороться, искали «авторов» по зубным прикусам на окурках и жвачках, но дело это оказалось столь хлопотным и затратным, что на него плюнули и запустили в секции специальных роботов-уборщиков. Первое время они, конечно, мешали: елозили под ногами, выхватывали из пепельниц тлеющие окурки и тут же тушили их в чашках с недопитым кофе – не исключено, что это были приколы программистов! – но вскоре к этим гаджетам (их называли «ЧЕЛы» – Чистота Есть Любовь), привыкли, и если такой ЧЕЛ – случайно подвернулся под руку во время работы, его просто смахивали на пол легким движением кисти. ЧЕЛы ломались, их чинили, но эти затраты не шли ни в какое сравнение с расходами на изучение прикусов и содержание штата «следаков», сличавших эти улики с зубными формулами в стоматологических картах.

Со временем, когда ЧЕЛы усовершенствовались настолько, что не только перестали быть помехой, но и значительно оптимизировали процесс уборки, в них внедрили дополнительные, рекреационные, чипы. Теперь они не простаивали по углам или за спинками стульев, но едва завидев брошенный окурочек, наперебой бросались к нему в стремлении завладеть. Было очень занятно наблюдать за их свалками на полу в центре секции, а когда кто-то из них вдруг выскакивал из кучи и, отскочив на полшага, приближал свой трофей к мусорному накопителю, пространство секции сотрясал дружный низкочастотный хохот. ЧЕЛам присваивали номера, устраивали даже тайные тотализаторы, но Белые, похоже, смотрели на эти забавы сквозь пальцы; было просчитано, что эти релаксации: случайные, спровоцированные – не суть – значительно повышают производительность труда в остальное время.

Так же как и объединение в одной «пятерке» «крохоборов» и «инфантов», причем в таких пропорциях, что мне они представлялись составленными по жребию. Такому же случайному, как соотношение женщин и мужчин. В обоих случаях вариантов было немного,

но при их наложении итог выходил порой весьма забавный и неожиданный. В нашей «пятерке» «крохоборами» были двое мужчин и одна девица. Мой визави, щелкавший замысловатым огнедобывающим гаджетом над моей трубкой, был «инфант». Я же, по крайне редкому, не вполне изученному, стечению обстоятельств, не только сочетал в себе оба свойства, но и мог «включать» то или иное по своему желанию, которое, впрочем, диктовалось местом моего пребывания во времени и пространстве. Не могу с полной ясностью сказать, свободен ли я в этом выборе, а также определить грань, на которой стыкуются эти понятия.

Это были, скорее, некие смутные ощущения, не поддающиеся точному словесному описанию; они, в сущности, не имели четко очерченных границ. Устремляясь за пределы Пирамиды, проходя Врата, ступая на подъемный, громыхающий цепями, Мост, я ощущал себя «инфантом», одурманенным фантомами собственного воображения, но при столкновении с каким-либо препятствием, действовал как законченный «крохобор»: прыгал, уклонялся, бил и прочее. Этим навыкам был посвящен курс специальной подготовки, и тем, у кого не было свидетельства об их успешном прохождении, просто не открывали Врата. Но не следует представлять дело так, будто из нас делали неких агрессивных неуязвимых монстров. Основное, базовое свойство или способность, которую развивал в подопечном его личный Коуч – занятия были исключительно индивидуальными – определялось как «flexibility»: упругость, гибкость. Именно эти качества, доведенные долгими медитативными сеансами до предела личных, данных от рождения, способностей, обеспечивали выпускнику относительную безопасность во время странствий по Территории.

Она начиналась сразу за внешним склоном Рва, опоясывавшего Пирамиду причудливым замкнутым зигзагом, который, по замыслу Устроителя, Стоящего Во Главе, должен был «ошарашивать» потенциального агрессора.

Ходили слухи, что Устроитель – его происхождение тщательно скрывались «Белыми» – подвержен странным атавистическим приступам, во время которых ему грезятся целые полчища жутких монстров, атакующих Пирамиду со всех сторон. Впрочем, очертания Рва, угловатые выступы Стены, мнимые Врата с полуопущенными цепными Мостами хоть и смотрелись весьма забавно и архаично, но придавали всей Пирамиде вид неприступной крепости. Ее так и называли – Фортресс.

Слово это в переводе на все известные, но давно не используемые, языки, было не только начертано над каждым из Ворот, повторяя очертания арок, но и неразрывной Спиралью обвивало ту часть Пирамиды, что возвышалась над Стеной. Особенно впечатляло это зрелище на фоне заходящего Солнца, когда включались аккумуляторы, заряжавшиеся от солнечной энергии или потока фотонов, который проходил через озоновые линзы и фокусировался на волновых преобразователях, выстилавших грани Пирамиды. По Спирали начинали перебегать разноцветные огоньки, и казалось, будто ее кольца то расширяются под действием центробежной силы, то свиваются, сжимая грани Пирамиды в стремлении максимально заострить ее сияющий Пик. И то, и другое было, однако, оптическим обманом, фокусом, сработанным «крохоборами» к недавно прошедшему Юбилею Устроителя. Был слух, что Он всячески старается скрыть эту дату, но эта ложная скромность мало кого обманывала. Лыстецы – приближенные из Белых – даже представили к этой дате некое изыскание, согласно которому Юбилей Устроителя, точнее, дата его Явления (в отличие от банального «рождения из утробы») была мистическим образом связана с основанием самой Пирамиды. Мол, Явление и Пирамида суть две стороны, две ипостаси единого Нечто, составляющие неразрывное Тождество, зримым символом которого и был сияющий Пик. Символической представлялась и ритмичная пульсация энергетических потоков внутри Спирали, выражавшая совокупное стремление к Истине всех обитателей Пирамиды. Меня всегда невольно завораживала эта картина; вспоминалась некая древняя мудрость, где Спираль трактовалась как символ прогресса, и ее витки представлялись ступенями восхождения к Всеобщей Гармонии.

То, что ее воспроизвели в зримом, торжественном, подавляющем своим величием, виде – с той точки, где я стоял, Пирамида и обвивающая ее Спираль перекрывали примерно треть моего «конуса обозрения Вселенной» – виделось мне смесью тотального атавизма и ностальгии по этим наивным, но столь утешительным, представлениям. Влияние Спирали ощущалось и внутри Пирамиды; мерцающее свечение проникало сквозь матовые стены и потолки рабочих секций, жилых отсеков, целомудренно оставляя в тени репродуктивные камеры с заботливо застеленными постелями, уютными угловыми диванчиками, накрытыми столиками яйцевидных очертаний и виноградными гроздьями динамиков по углам. Здесь в неизменном виде воспроизводилось древнейшее таинство под названием Коитус; обряд, имитирующий поклонение давно почившему Божеству, осиротевшее место которого последовательно занимали эфемерные, искусственно созданные, культы.

Не вижу смысла вдаваться в их тонкости (это занятие для специалистов); тем более, что сущностной разницы между ними я не вижу. Культ Устроителя основывался на аналогичных основаниях, зримым воплощением которых и являлась Пирамида. Иногда, в разговорах, ее коротко именовали Храмом; это древнее словечко хоть и считалось почти жаргонным, но подчеркивало глубинную, культовую по своей сути, основу всего сооружения. Слово Коитус считалось запретным, его произносили шепотом лишь непосредственные участники обряда, когда их собирали в Зале, прежде чем распределить по камерам. Порой этот шепот приводил участников в такой экстаз, что обряд начинался прямо в Зале; поднимающиеся испарения замыкали контакты светодиодов, в полумраке, подсвеченном переливчатым сиянием Спирали, начинала звучать музыка, вентиляторы, скрытые под решетками в полу, наполняли пространство теплыми воздушными потоками, отчего ткани сами спадали с тел и плавно парили над обнаженными плечами и спинами. Из рук в руки переходили чаши с возбуждающими напитками, и в таком состоянии ни о каком избирательном распределении уже не могло быть и речи.

Был слух, что порой сам Учредитель принимает личное участие в этих Оргиях; те, до кого он снисходил, узнавали Его по грубым шершавым касаниям, по сиплюму прерывистому дыханию, вырывавшемуся из его хлюпающего нутра в Миг Наивысшего Просветления, но высказывать эти подозрения было не только неприлично – как-никак Четвертая Генерация, культурные люди! – но и небезопасно. Доносы не только принимались к сведению, но и поощрялись всеми возможными способами. Правда, это были по большей части мелкие подачки: жвачка, сигареты, баночка возбуждающего напитка, но порой дело доходило и до внепланового Коитуса с правом выбора Камеры и даже – в исключительных случаях! – коитус-партнера.

Такие пары часто образовывались во время Оргий. Случайно сойдясь, они могли разойтись, но вновь сойдясь и пользуясь лишь осязательными и обонятельными рецепторами, неизменно узнавали друг друга по фактуре кожи, очертаниям органов, составу испарений и, в особенности, их едкому яркому выбросу в Миг Наивысшего Просветления.

Но прочные и долгие союзы на этой основе возникали редко. После двух-трех частных Коитусов испарения приедались, а возбуждение от очертаний и фактуры уже не поднималось выше порогового уровня. Кое-кто пытался подключать внешние возбудители: фонограммы, записанные в Зале при достижении Тотального Экстаза или интимные фильмы, где крупно снятая головка сперматозоида напористо пробуравливала упруго-податливую мембрану яйцеклетки. Но действие этих факторов было столь кратким, что все последующее скорее походило на конвульсии низших организмов, добываемых за пределами Стены. Последующее разочарование было порой настолько опустошающим, что некоторые, словно предчувствуя этот кошмар, заранее заказывали Обнуление. Оно могло быть двойным, одиночным: все зависело от решения специальной комиссии Zero, куда поступал запрос. Впрочем, там только делали вид, что вникают в мотивы, предшествующие запросу. Все решали репродуктивные программы, где велся учет реальных оплодотворений и ожидаемого количества новорожденных

с целью соблюдения Правила Популяционного Баланса. Что-то типа дебета-кредита из учебника по истории экономики Трех Предшествующих Генераций.

То, что даже в этом, самом важном поступке (я имею в виду Самообнуление), особь была несвободна, угнетало меня больше всего. Мне казалось, что все мои действия отформатированы до такой степени, что порой при пробуждении я долгое время не мог шевельнуть ни одним членом, боясь порвать невидимые нити, тянущиеся от них во все углы моей жилой капсулы – многогранного кристалла, напоминавшего обитателю о вечном стремлении к Шару как совершенной, законченной форме Бытия. Не знаю, быть может кто-то и вдохновлялся этой перспективой, мне лично она представлялась столь же абсурдной как попытка достичь линии горизонта как крайней границы Территории. Не говоря уже о слогане «Прогресс Есть Свобода» (сокр. ПЕС), сочиненном, якобы, самим Устроителем, после чего ему было присвоено звание «Знающий Путь».

Я проходил множество всяких курсов: Выживания, Защиты, Изучения Низших и прочих Форм – чтобы получить вожеленный пропуск за пределы Стены. Ибо только на Территории мне доводилось переживать мгновения истинного Экстаза, свободного от всякой отформатированной мути. Территория скрывала в себе великое множество неожиданностей, как приятных, так и опасных, но именно это предельно обостряло мои чувства, реакции и пробуждало глубинные воспоминания о временах, когда моя молекулярная основа, пребывая еще в зыбком, подвижном состоянии, стремилась отлиться в видимую, плотскую форму. Я ощущал себя то слизью, выползающей из воды, то змеей, свивающейся в упругие кольца, то птицей, обнимающей воздушные потоки широко расправленными крылами. Да, это была она – вожеленная истинная Свобода без всякой привязки к сочиненному Устроителем и его холоуями Прогрессу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Иди, иди и помни обо мне...»

Уильям Шекспир. «Гамлет»

Скажу сразу: Аннигиляция и Обнуление – стадия А и стадия О – не тождественны. Первая предшествует второй, но сам переход из одной стадии в другую не фатален. А-объекты собираются в спецнакопителях для изучения их остаточной активности и обнуляются лишь после того, как эти проявления признаются не представляющими интереса. Для большей непредсказуемости А-объекты порой исследуют за пределами Стены, где структура Пирамиды, пронизанная бесчисленными волновыми потоками, не оказывает на «яйцо» – все А-объекты имеют одинаковую яйцевидную форму и различаются лишь размерами – никакого силового давления. По Территории «яйца» могут перемещаться как угодно, выбирать направление, среду, тем самым уравнивая себя со всеми прочими обитателями этой загадочной местности. Не допускается им только остаться на Территории после окончания эксперимента, а все попытки обойти этот запрет караются Обнулением, внезапным и мгновенным.

Был слух, что один объект избежал этой участи. Кто-то, по большей части из «инфантов» верил в его достоверность, отчего сам побег обрастал как реальными, так и фантастическими подробностями, которые в свою очередь давали пищу скептикам-«крохоборам». Они указывали на нестыковки той или иной версии, едко иронизировали, «инфанты» негодовали, доходило и до рукоприкладства, разумеется, в рамках правил. Назначалось место: Театр, Зал для Оргий – стороны выставляли бойцов, выбор оружия решал жребий. При этом никого не смущало то обстоятельство, что исход поединка никак не влиял на достоверность самого Слуха. Каждая сторона лишь укреплялась в своем мнении, отчего Слух со временем возвысился до ранга Мифа. Самые отчаянные даже пускались на поиски таинственного беглеца, прочесывая, сканируя самые далекие и малодоступные участки Территории, но все было тщетно. Если, конечно, отбросить заведомое вранье; кто-то, якобы, видел «яйцо», кто-то почти держал его в руках – но проверки на детекторах лжи изобличали псевдо-контактеров.

Но сейчас я был твердо уверен: это вот-вот случится на самом деле, станет самой что ни есть явственной явью, и детектор лжи, в случае, если я по возвращении не буду держать язык на привязи, сторит, не взирая ни на какие предохранители. Вибрация под моим правым коленом явно усиливалась, когда нога оказывалась на кратчайшем расстоянии между мной и старым **деревом «Qercus Robur»** – эти значки были когда-то, врезаны в его покров, и их еще можно было различить среди трещин и корявых гребней эпидермиса. Под этим именем он значился и на старых затрепанных картах; их пакет под расписку выдавали выпускникам вместе со свидетельством об окончании Курсов Выживания. Карты, естественно, не могли заметить систему GPS, но пользование навигацией за пределами Стены считалось для выпускников таким же бесчестьем, как обращение к Википедии при сдаче экзаменов на степень Магистра. «Представь, что Пирамиды нет, и тебе некуда вернуться» – эта предупредительная надпись украшала арки всех ворот с внутренней стороны Стены, и те, кто правильно понимал ее значение, беспрекословно сдавали свои гаджеты, прежде чем ступить на Мост, переброшенный через Ров.

За его пределами наша телесная неуязвимость делалась призрачной, и если кто-то, случалось, забывал об этом, очарованный переменчивыми видами, Территория тут же напоминала о себе каким-либо непредвиденным способом. Рассеянный путник мог провалиться в болото, упасть на россыпь битого стекла, ободрать руку о торчащий гвоздь или обрывок колючей проволоки – местами Территория была почти сплошь завалена подобной дрянью. Я лично, приближаясь к корявому стволу Qercus Robur, старательно избегал контактов с концами желез-

ных крестовин и копьевидными торцами решеток, ограждающих замшелые плиты, истлевшие до трухи скамеечки и грязные баночки с иссохшими цветами у подножия крестов.

При этом я ни на миг не выпускал из поля зрения широкое овальное дупло в стволе. Оно образовалось, по-видимому, на месте обломанной когда-то ветви, поднималось над землей по мере роста ствола, и когда я приблизился к нему на расстояние примерно трех метров, оказалось чуть выше уровня моей головы. Вглядевшись, я различил в его темном нутре слабое лиловатое свечение. Оно пульсировало, и вибрация под моим коленом то усиливалась, то ослабевала, отставая от его пиковых значений примерно на четверть волнового такта и словно дублируя некое исходящее из дупла послание. О чем-то подобном накануне вылазки предупредил меня коллега по секции; он даже пометил это место – ствол – крестиком на моей карте, но я, будучи последовательным «скептиком», лишь небрежно кивнул в ответ на его сообщение.

Случилось это недели за четыре до того, как я начал готовиться к выходу за Стену. Установил жесткое расписание, привязанное к солнечному и лунному циклам и включавшее повышенные физические нагрузки. Сел на особую диету, чтобы подготовить железы к выработке специальных ферментов на тот случай, если мне придется перейти на использование любых источников питания, вплоть до насекомых, червей и даже оставленных ими экскрементов. Кроме этого, блуждания по Территории требовали быстрых реакций, но этот навык я тренировал постоянно, двумя пальцами выхватывая из воздуха мелких, летающих зигзагами, мушек, в изобилии плодившихся в опытных секциях «крохоборов-естественников» и разлетающихся по пространству Пирамиды в обход всех заградительных мер: фильтров, сеток, многогранных стеклянных садков с плотно притертыми крышками и стыками. С этой заразой не могли справиться даже специально созданные для этой цели роботы-поглотители с микропористыми пакетами на патрубках выхлопных каналов. Пыль, пепел, табачная зола, отмирающие чешуйки эпителия собирались на фильтрах, слипаясь в плотные шайбы для последующей переработки, но мушки, спрессовываясь и погибая в этой среде, умудрялись перед гибелью оставлять мельчайшие споры, проникавшие сквозь все заградительные мембраны подобно Х-лучам или криэонам ПФ-11.

Мушки были идеальным объектом для отработки навыка бесконтактного поражения. Ладонь, кулак, стопа при мгновенном выбросе показывали, что при давлении воздушного канала в 10—12g на квадратный микрон, пестрое хитиновое брюшко и двойные перепончатые крылышки разлетаются в пыль, словно насекомое попало в зазор между стальными шестернями. Коллега – назовем его Герц – застал меня за этим занятием, когда золотистая пыльца от пораженных мушек еще не успела осесть на кофейный столик в релакс-секции. Виду не подал; так же спокойно дал мне раскурить трубку от своей «пушки», но когда я потянулся к его кофейной чашке, чтобы капнуть туда несколько капель коньяка в знак благодарности, склонился навстречу и тихо спросил: когда? Я мундштуком трубки прочертил на осевшей пыльце дату, и он в ответ тем же способом изобразил карту Восточного Сектора и поставил восклицательный знак в зоне, почти сплошь покрытой ржавыми крестами в окружении ветхих оградок. Словечко «ово» – так на жаргоне обозначалось «яйцо» – я оставил без внимания, посчитав его плодом воображения Герца – типичного «инфанта», наивно полагавшего, что Слово непременно должно порождать обозначаемое им Явление. Порой я даже удивлялся, как он мог пройти Квалификацию и получить пропуск на право выхода за Стену. Там, на Территории, слова значили крайне мало, кроме, быть может, тотальной пары: Ничто и Нечто – вся же Территория располагалась как бы между ними как видимый, осязаемый эквивалент Горизонта Событий.

Герц обожал ходить по этой зыбкой грани. Его интуиция, ориентация, способность выходить из самых безнадежных положений, были поистине феноменальны, в отличие от свидетельств, которые, при всей их кажущейся достоверности, неукоснительно ставились под сомнение детекторами лжи. Сперва это приводило Герца в отчаяние, но со временем он успокоился,

смирился и делился своими наблюдениями, а также колоссальным практическим опытом лишь с самыми близкими, которых, впрочем, выбирал совершенно произвольно. Это выглядело порой как своего рода назначение на должность или присвоение звания «друга», которым он удостоил меня, едва мы оказались членами одной «пятерки». Похоже, в этом была какая-то магия: я не поверил ни в указанную им точку на карте, ни, тем более, в «ово», но едва я перешел подъемный мост, как ноги словно сами привели меня к Qercus Robur, а лиловатое мерцание овала на его корявом стволе буквально пригвоздило меня к месту.

Ритмичная пульсация, несомненно, была знаком, обращением лично ко мне, но прежде, чем вразумительно ответить на него, следовало хоть как-то расшифровать его значение. То, что в глубине ствола скрывается то самое мифическое «ово» я понял почти сразу. Опыты, проводимые на Территории с объектами Аннигиляции, показывали, что их остаточное излучение каким-то образом возбуждает частицы «материи», из которых состоят все чувственные предметы за пределами Стены, и те реагируют на это воздействие подобно струнам, попадающим в резонанс с камертоном. Реакции проявлялись по-всякому: грибы светились, камни гудели – большие валуны басили; мелкие попискивали – кучи мусора, случалось, даже вспыхивали, сбивая настройки регистраторов, все же в целом порой складывалось в единую, хоть и несколько пеструю, сумбурную картину. Картины различались, порой весьма существенно. Их фиксировали, анализировали (связь с «объектами» опытов представлялась очевидной), а затем заносили в специальные каталоги в ожидании аналогичных «картин» для дальнейшей систематизации.

Лично мне это занятие всегда казалось абсолютно бессмысленным, ибо, по моему твердому убеждению, квантовый, спинальный, а тем более, струнный уровень современных исследований не имеет с так называемым «чувственным миром» ничего общего. Все равно, что доказывать теорему Пифагора с помощью уравнений Максвелла или преобразований Лоренца, с постижения которых начинается обучение в «пирамидальных классах». Так что получаемые в опытах «картины», самые забавные, путанные, со временем извлекались из «запасников» и распределялись по рабочим секциям, жилым капсулам и интимным кабинетам, как бы намекая обитателям Пирамиды на один из вариантов потенциального бессмертия. Жалкий временной отрезок плотского бытия был преодолен еще до появления нынешней, Четвертой, Генерации, но, тем не менее, случаи самопроизвольной Аннигиляции порой все же фиксировались, и это не позволяло присвоить явлению Бессмертия абсолютный статус. Кроме того, само Бессмертие, как показывал пример тех же Бесстрастных, напрочь, в корне, уничтожало в самом субъекте ощущение Времени как Такового, а это создавало значительные трудности при выходе на Территорию, где объекты были не просто «привязаны» ко Времени как четвертой оси координат, но существовали внутри Него, двигаясь и меняясь вместе с Ним.

Нечто подобное, но иного рода, происходило, я думаю, с нашими предками, когда они оказывались в межгалактическом пространстве. Силы гравитации звезд и планет растягивали их во всех направлениях, и они повисали внутри своих летательных капсул как мушки в паутине. Паутина, кстати, была весьма эффективным способом борьбы с этой нечистью, но паучки, принесенные с Территории, акклиматизировались в Пирамиде плохо, делались вялыми, а их плодовитости едва хватало на две-три генерации. Обитатели Пирамиды, напротив, впадали в беспокойство почти сразу после подъемного Моста. Я не был исключением; ось так называемого Времени пронзала меня подобно стальной спице; а от действия атмосферы Территории предохраняли специальные составы, которым пропитывали костюмы перед выходом за Стену.

Но лиловое свечение и пульсирующая вибрация были иной, родственной, природы. Вскоре мне удалось настроиться на их частоты и послать ответный сигнал. Между мной и объектом внутри ствола установился контакт, и теперь мы могли обмениваться информацией в привычном, отработанном формате. По форме это был, в сущности, обычный диалог, вроде

болтовни в курилке или нудных, перебиваемых идиотскими вопросами, назиданий Устроителя, звучащих из бесчисленных динамиков, скрытых за пористыми обшивками секций, жилых капсул и даже интимных камер. Содержание передаю по памяти, тем более, что мой собеседник, условно назовем его Старгм, то и дело перескакивал с предмета на предмет. Порой он вообще сбивался на какое-то невнятное бормотание в низкочастотном диапазоне, родственное красному спектральному смещению, характерному для удаляющейся Галактики. Но через какое-то время из глубин этого акустического омуты вновь всплывали членораздельные звуки, и порой для понимания собеседника мне довольно было двух-трех слогов. Так из нелепых узд-г-рбны-щжэы я понял, что речь идет об Устроителе: Старгм спрашивал, держится ли его идиотский треп на более-менее внятном уровне, или оратор постепенно съезжает в маразм и гонит голые слоганы типа: «держитесь величия Щедрот» или «ясность Цели есть цель Ясности». Я отвечал, что не вслушиваюсь в этот набор звуков, но под них очень хорошо засыпается, особенно когда по Спирали над гранями жилой капсулы струится поток JS-коанов, специально синтезированных для релаксации обитателей Пирамиды.

– А как тебе мое эго? – вдруг внятно спросил Старгм, обозначив интонацию багровой подсветкой в недрах дупла.

– Так это твоя «картина»? – спросил я, вспомнив свою недавнюю находку в недрах запасника: выпуклый N-угольник, точно впечатавшийся в одну из граней жилой капсулы над изголовьем моего ложа. Темная полусфера слабо-кофейного оттенка словно гипнотизировала меня; в ее глубине я различал какие-то парящие лохмотья с рваными краями, закрывая глаза, слышал шум, какой бывает только на Территории при сильном ветре. Плескали и шипели волны, набегая на песок и оставляя после себя блестящих извивающихся гадов. Они поглощали друг друга, дробя зубчатыми челюстями чешуйчатые панцири; порой до меня даже доносился тихий, приглушенный неведомой толщей, хруст.

– Объяснить? – вновь спросил Старгм, верно истолковав мою паузу.

Я молча кивнул, и багровое свечение в дупле плавно сошло на нет.

– Ты помнишь про четыре стихии?.. История Всейности?.. Общий курс?..

– Да, – сказал я, – в общих чертах: Вода, Огонь, Земля, Воздух... Это когда они ничего не знали, блуждали в потемках, жили в пещерах, шарахались от всего... Кто-то и сочинил, чтобы не психовать: мол, сидим, смотрим в стену, где-то за спинами Светило переходит, а по стенке тени... Тупо, но работало. И про стихии так: мол, все из них, из смеси. Сам делал на практикуме: грязь, вонючка, Огонь пустил, обгорел весь, Воздух перекрыл, чуть не задохся... С четвертого раза сдал.

Вместо ответа последовала какая-то особенная вибрация. Похоже, это был смех. Диалог возобновился.

– Нельзя же все понимать так буквально, – сказал Старгм, – Дух над Водами, Слово, Paradise (это слово он почему-то выделил акцентом), Древо Познания, Яблоко, Змей...

– Выходит, нам все врал? – насторожился я, – картинки, конечно, дурацкие, особенно интим, эти позы: так, сяк – атавизм, ясное дело, но что-то в этом есть... А потом вдруг пустота, вода, лоханка какая-то плавает, птичка с веточкой летит – где логика?

– Логику после придумали, – сказал Старгм, – чтобы как что-то неясно, так сразу это дело логикой – ба-бах!.. Типа как вы мушек бьете: йях! – и пыль!.. И так во всем, всегда... Словами, водой, огнем, кулаком – сила есть, ума не надо!.. А после обижаетесь, когда и с вами так. На силу сила всегда найдется – логично?

– Куда денешься, – вздохнул я, – над нами Бесстрастные, выше них Белые, над ними Устроитель. Не нами началось, не нами и кончится... Тьфу, извини, забыл, нас учат, что это не кончится никогда. В смысле, в целом, в общем... Только частные случаи: Аннигиляция, Обнуление – ничего, что я так прямо?

– Нормально, – сказал Старгм, – просто ты не знаешь, о чем говоришь. Слово есть, а что за ним...

– А что за ним? – осторожно спросил я, вторгшись в повисшую паузу.

– Все, – сказал Старгм, – Все и Ничто. В том смысле, что Все было, в общем, примерно так, как вас учили: Первая Генерация – Стихия Воды – затем Ничто, после Вторая – Огонь – и вновь Ничто, но кто-то остался, пощадили, мало ли, вдруг одумаются?.. Нет, опять стали рыть, бурить, качать, и все глубже, глубже, пока все трещинами не пошло, и тут вдруг спохватились: ой, что же это мы?! Третья Стихия – Земля. Третья Генерация. Нынче Четвертая. Стихия – Воздух. Всех лишних в трещины, в провалы, чем глубже – тем надежнее. Не то, что эти, которые вокруг, под холмиками, крестами – они-то еще встанут, когда придет срок, и никакая Стена не спасет, никакой Ров... А то всех сосчитали, законопатились в Пирамиду, занавесились всякой мурой, типа: Бессмертие, Вечность, Сад Совершенства, Яблоки Истины – мол, вот они, ключи от Счастья!.. А все равно сюда лезете, курсы проходите, спецподготовку, на Территории-то все настоящее, а там, в Пирамиде – что?.. Устроитель?.. Кубатура Шара?.. Литургия Ничто?..

– Ты от этого сбежал? – спросил я, – атавизм, Аннигиляция, ово, а как за Стену вынесли, в виде опыта, так сразу: вот вам Картинка в запасник, и пока ее упаковывали, сам хоп! – и Митькой звали!.. Лихо, ничего не скажешь!.. Но вопрос – зачем?.. Здесь что, лучше?..

– Лучше, хуже – это все относительно, – сказал Старгм, – и потом кто тебе сказал, что я сам все это начал?

– Почему одному мне? – сказал я, – всем, на Курсах, во всех учебниках, в Сетях, как пример...

– Пример или задача? – ехидно перебил Старгм.

– Да, скорее задача, – подкорректировал я, – мол, все у него было: Магистр Белых, Утвердитель Обнулений, Она Совершенная как Пирамида – Полное Слияние, Высшая Гармония, сам Устроитель без Него ни шагу, ни слогана, ни вдоха...

– Тут малость перегнули, – усмехнулся Старгм, – я не лез в эти дела, Он и воспользовался. Культ под себя отформатировал, Оргии в Зале, Ее втянул, Совершенную, Единственную...

Повисла пауза. Плавные волновые ритмы покрыла тяжелая прерывистая пульсация. Внутри Пирамиды ее фиксировали специальные датчики, скрытые под обшивками жилых капсул, рабочих секций. Особенно густо ими были насыщены интимные камеры, где Атавизмы проявлялись явственнее, нежели в прочих местах, и где скрыть их было сложнее из-за их повышенной активности. В пиковые мгновения партнеры порой теряли всякую бдительность, и тогда мониторы регистраторов казалось вот-вот выжгут ярчайшие вспышки, спровоцированные синаптическими импульсами на стыках нейронов. Порой их яркость приближалась к слепящему сиянию витков Спирали в местах, где встречные потоки $Y - GW - <T - CZ^*$ – и прочих частиц взаимно уничтожались, образуя, якобы, вожделенное, недостижимое и все же окончательно недоказуемое Ничто.

Но я отвлекся. Пульсация понемногу угасала, уступая плавным, изливающимся из Qegcus Robur, волнам. Прерванный диалог возобновился.

– Через Нее Он получил доступ к Аннигиляторам, – продолжил Старгм. Холодно, словно дальнейшие события не имели к нему самому никакого касательства. В сущности так оно и было. Между ним нынешним и тем, о ком он говорил, не осталось практически никакой связи, если не считать Картины – выпуклой полусферы над изголовьем моего ложа в жилой капсуле. И тут передо мной вдруг отчетливо предстала одна сценка, смысл которой всегда был для меня не совсем ясен. Три силуэта, больше похожие на тени с размытыми очертаниями, располагались относительно друг друга подобно фигурам на шахматной доске. Высокие, стройные, они были на голову выше прочих, представлявших безликую слитную массу. Две из трех были почти неподвижны; третья же, стоявшая в центре, мерно покачивалась из сто-

роны в сторону. Я понял, это была Она, та, о которой с таким трепетом говорил мой собеседник. Похоже, Она колебалась, прежде чем принять какое-то решение. Фигуры тем временем почти незаметно меняли свое положение относительно друг друга, образовав в итоге треугольник, чье основание постепенно сокращалось, а стороны сближались и вытягивались, стремясь слиться в одну линию. Это был динамичный знак соперничества, и линия, как итог, могла быть проведена лишь между двумя точками.

– Когда я понял, что произошло, – продолжал Старгм, – было уже поздно что-то исправлять, но я все же хотел понять, почему так произошло. При том, что внешне все оставалось, как обычно. Я курировал сложные программы; составлял тесты для поступающих в магистратуры, в бакалавриат, порой сам проводил собеседования с теми, кто готовился к выходу на Территорию, и если не был уверен в готовности испытуемого, сопровождал его в первых испытательных рейдах. Были прецеденты, когда выпускник с блеском решал сложнейшие тесты, уверенно проходил итоговое собеседование, но перейдя Ров, терялся, впадал в депрессию, и, пытаясь выйти из нее, начинал вести себя крайне агрессивно. Ломал, крушил, топтал все, что вставало на его пути, и когда нанодатчики, тайно вживляемые каждому, поступающему на Курсы, начинали показывать, что последствия буйства грозят стать необратимыми, автоматически включалась обратная связь, и направленный поток Т-частиц мгновенно парализовал новичка. Высылали спецкоманду, она доставляла почти бесчувственное тело в корпус Л-18, где с ним поступали в зависимости от степени поражения нервных окончаний. Если пациента не удавалось вывести из комы, он подвергался Обнулению даже минуя Аннигиляцию – это диктовалось чисто экономическими соображениями. Тех же, кто оказывался не вполне безнадежен, старались сохранить и использовать для каких-либо экспериментов или простейших операций. Чаще всего их вновь запускали на Территорию, направляя по различным маршрутам и снимая всевозможные показания: степень потливости, уровень слюноотделения при попытках питаться как белковыми субстратами, так и неорганическими соединениями – звучит диковато, но лучшего способа определить выживаемость жителей Пирамиды в условиях Территории пока не придумали. Во всяком случае, при мне. Я протестовал как мог, тем более, что в восьми случаях из десяти эти опыты заканчивались трагически: у «объекта» начинались непроизвольные конвульсии, и порой его буквально разрывало на части и разбрасывало по сторонам. Полученные «картинки» – съемки велась на протяжении всего маршрута – выглядели устрашающе, но преследовали, по мысли Устроителя, назидательную цель. Некоторые данные содержали слабые намеки на то, что все, происходившее на Территории во время трех предшествующих Генераций, так или иначе влияет на состояние Пирамиды, и что она не так уж незыблема и неуязвима, как говорят Белые, и что с таким беспрекословным напором утверждает Устроитель. Ему, в частности, даже приписывают, авторство тех глав в Истории Всеяности, где содержатся весьма прозрачные намеки на то, что недостижимость Полного Слияния (Кубатура Шара) есть следствие того, что отдельным участкам Территории был причинен некий ущерб, и это препятствует дальнейшему дроблению многоугольных граней, выстилающих внутреннюю поверхность «яблок», произрастающих в Райском Саду. Кому-то – говорят, это была девица – даже удалось похитить и тайно пронести одно из этих «яблок» в интимную камеру. Считалось, что одно его присутствие может сотворить чудо: остановить распад нейтринных связей и тем самым стабилизировать электромагнитное поле взаимного притяжения. Пропажу обнаружили; след (остаточная радиация) привел в камеру, и пару накрыли в момент соития. Могли бы и повременить, спешки не было, но Служба Слежки, куда сливают тех, кто не прошел даже самые тупые тесты, стремилась представить себя во всем своем омерзительном могуществе и полнейшей вседозволенности. Процесс, как и ожидалось, был недолог, но само присужденное изгнание, обставили с необычайной торжественностью. Белые восседали на Стене; места для оставшихся внутри Пирамиды распределили по рангам, но так, чтобы Сектор Территории, куда изгоняли несчастных «грешников» – это понятие извлек и реанимировал из Истории Всеяности сам Устрои-

тель – был обозрим даже с самой отдаленной точки. Перед выходом из Ворот осужденных раздели, и на Мост они вступили совершенно обнаженные. Единственное, что им позволили взять с собой, было то самое похищенное «яблоко»; считалось, что сорванное с Древа оно не только само утрачивает стремление к Слиянию, но и каким-то образом может повредить стабилизирующее электромагнитное поле всего Сада. Но едва изгнанники перешли Мост, как «яблоко» внезапно вспыхнуло и окружило их таким ослепительным сиянием, что даже тренированные, привыкшие ко всему «следаки» поспешили закрыть глаза глухими черными повязками.

Единственный, кто не дрогнул, был Устроитель. Его кресло возвышалось над Центральной Аркой, а материал защитного колпака погасил сияние так, что в поле зрения остались только два силуэта и сверкающая миллиардами граней полусфера. Влияние Территории было несомненно, и приказ «взять!» последовал незамедлительно. Но странное дело: «следаки» словно впали в ступор; завис наполовину поднятый Мост; Белые на гребне Стены подняли руки и затрепетали рукавами одежд, то ли провожая осужденных, то ли, напротив, моля их о пощаде. Те же, кто остался внутри Пирамиды, застыли, замороженные представшим зрелищем: сиянием «яблока», остоленением «следаков», смятением Белых и черной фигуркой Устроителя, яростно колотившей кулаками в прозрачный купол защитного колпака.

Наступила пауза. Думаю, Старгм сделал ее намеренно, с тем, чтобы дать мне возможность вообразить весь эпизод в мельчайших подробностях. Это сработало: две взявшиеся за руки фигурки, плывущее перед ними «яблоко», черные застывшие столбами «следаки», затонированный янтарным налетом колпак над Устроителем – все это вдруг представилось мне так же явственно, как корявый ствол в окружении ржавой перекошенной оградки. Внезапно фантом ожил. Лиловое свечение в глубине дупла вспыхнуло ярчайшим золотистым светом, я прикрыл глаза ладонью, спасая от выгорания белковый гель колбочек-чувствилищ; лучевой шквал резко швырнул меня на землю, и последнее, что я помню, был ржавый наконечник столбика, пропоровший мне куртку под мышкой и выскочивший рядом с левым ухом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Это начиналось как обычная командировка, и в моем предписании на нее было отведено трое суток. Твари в нем не значились.

Очнувшись, я увидел перед собой «яблоко». Оно висело так низко, что я мог достать его рукой. Я сделал попытку. «Яблоко» отошло и стало плавно отплывать, увлекая меня за собой. Совсем рядом раздался негромкий голос Старгма: пока довольно. «Яблоко» исчезло как по команде, и меня вновь окружили густые сумерки с едва проступающими из тьмы очертаниями предметов. Я сунул руку в подмышечную впадину; ладонь провалилась в прореху на кожаной куртке – выходило, что я стоял там же, где упал, точнее, где меня опрокинул световой поток. Возможно, это была галлюцинация; один из тех фантомов Территории, о которых рассказывал мне Герц. Я включил фонарь над локтевым сгибом – мое личное, запатентованное «know how», освобождавшее руку как для нападения, так и для защиты – и световой конус выхватил из тьмы ствол с глубоко прорезанной надписью *Qercus Robur*. Дупло темнело чуть выше, но теперь оно смотрелось как яма на месте удаленного или выбитого на спарринге зуба. Я, как положено по инструкции, просканировал пространство инфракрасным детектором (излучатели были вмонтированы в защитные пластины, покрывавшие грудную клетку с обеих сторон): значительных температурных скачков не наблюдалось, а перепады были плавными и вполне укладывались в изотермальные кривые данного Сектора.

Немного гудела голова; вероятно в падении, уже теряя чувствительность, я ударился затылком о край замшелой мраморной плиты, покрывавшей плоское, заросшее травой, возвышение у основания ржавого железного креста. Я просунул руку под капюшон куртки и, потрогав затылок, ощутил под пальцами теплый бугорок: косвенное свидетельство того, что вспышка была внешней реальностью, а не плодом моего воспаленного воображения. Но откуда все возникло?.. Куда исчезло?.. Я шагнул к стволу, уцепился пальцами за трещины в коре, приподнялся, опираясь на выпуклости корней, и посветил фонариком вглубь дупла. Там было пусто, если не считать свернувшейся кольцами твари на самом дне. Луч фонаря, похоже, потревожил ее; по кольцам пробежали судороги, треугольная головка поднялась, сверкнули глазки с узкими вертикальными зрачками, и в меня полетела распахнутая пасть с четырьмя крючковатыми зубками и блестящим, раздвоенным на конце, язычком. Я двумя пальцами перехватил головку чуть ниже скул; тварь забилась, обвила кольцами мою руку и стала сжимать ее вероятно с целью остановить кровообращение. Но преимущество было явно на моей стороне, и хотя кольца усиливали сжатие, а края рта и основания зубов покрывались темной вязкой эмульсией, я мог пресечь эти агрессивные проявления одним движением пальцев, ощущавших нежную хрупкость позвонков под чешуйчатой кожей.

Но в предписании тварь не значилась, и ее «обнуление» – наши бюрократы пользовались привычным для них термином – пришлось бы по возвращении обосновывать самым подробным образом. Вычесть командировочные из моей зарплаты не позволял Трудовой Кодекс, но рассчитывать на премию не приходилось. Случалось, что за подобные проступки лишали нескольких – от трех до девяти – посещений интимной камеры. Новичкам грозило и нечто более страшное, вплоть до отправки в Л-18 и выходом на Территорию в качестве подопытного «объекта». Аннигиляция и Обнуление были предопределены; считалось почему-то, что эта крайняя, обращенная в прошлое, мера снимает пагубные последствия совершенного проступка.

Склонности к агрессии я не питаю. Вид размазанного, распростертого передо мной существа не возбуждает меня, а, скорее, вызывает жалость. На Курсах нам преподавали соответствующие навыки, но советовали применять их лишь в самых безвыходных ситуациях, таких,

очевидный выход из которых тебя не устраивает. Уничтожение или яснее, убийство, как раз и считалось эдакой простой, примитивной мерой. Новички прибегали к ней от страха, «старрики», чаще «крохоборы», чем «инфанты» – от лени, усталости; мало ли что можно придумать в самооправдание. Тем более, что защита медитативная, снимающая агрессию «объекта» и трансформирующая его психику, действительно требовала гораздо больших энергетических затрат и порой совершенно не коррелировала с физическими размерами агрессора. Громадную, восстающую из болота, тушу с клыкастой пастью и роговыми лопастями вдоль горба того хребта мог остановить простой взгляд, а со сравнительно небольшой, три-четыре локтя в длину, полтора-два в высоту, «тварью» – общий термин, использующийся в предписаниях и отчетах – дело порой доходило и до физического контакта. Особенно когда «тварь» бросалась внезапно, из-за камня, из-за куста, из переплетения ветвей над головой. Спасала реакция плюс некое особенное чувство опасности, которое необычайно обострялось у меня, едва я оказывался на Территории.

С чешуйчатой «тварью» в дупле это чувство чуть запоздало, но совсем чуть-чуть, не критично. Да, я допустил физический контакт, но он-то как раз и упрощал механизм медитативного воздействия. Я направил ци в кончики пальцев и почувствовал, как ци проникает в позвонки «твари» и, струясь по ним, кольцами обвивает мою собственную руку. Я подключил ци-кл – поток замкнулся и усилился за счет аутоподпитки. Теперь моя рука и обвивающая ее «тварь» сделались как бы единым существом, слились в одну субстанцию, и я мог управлять ей по собственному произволу. Осталось только отделить от нее внешнюю, трансцендентальную, сущность и вернуть ее в прежнее состояние, в положение, где «тварь» пребывала до момента броска. Но что-то остановило меня перед совершением этого заключительного акта. Мысль о тотальном информационном поле некоей, пока непознанной, физической природы вдруг осветила зыбкую студенистую субстанцию под крышкой моего черепа – так бывало, когда я «подключался» и оказывался как бы внутри «поля». Весь Qercus Robur как бы растворился в нем, и перед моим умственным взором предстали энергетические сгустки с едва различимыми контурами «яйца», чешуйчатой «твари» и моей руки, по плечо погруженной в дупло.

Подозрение, что все это было ловушкой, и что Старгм с его долгими разговорами, вибрациями, лиловыми всполохами – не более чем фантом, призванный отвлечь меня от истинной цели моей командировки, показалось мне не совсем беспочвенным. Своими байками о похищении «яблока», изгнанием, внезапной вспышкой, вогнавшей в ступор ее свидетелей, Старгм мог провоцировать меня на ответную откровенность. Хорошо еще, что я не повелся на его доверительные признания, тем более, что его история, доступ к которой преграждали десятка полтора «паролей», была мне известна благодаря Герцу, взламывавшему любые «замки» и проникавшему сквозь тончайшие квантовые «сита» без каких-либо контактов с запирающими устройствами. Попытки поделиться со мной секретами этого мастерства были безнадежны; наверное, с этим надо было родиться; и потому мне оставалось лишь с почтительным трепетом наблюдать, как на его рабочем мониторе ритмично пульсируют микровспышки и причудливыми зигзагами проскакивают траектории кварков: красных, зеленых, синих. Считалось, что кварки не могут существовать сами по себе, не связанные «глюонными струнами», но Герц, похоже, добился этого эффекта. Правда, перед тем, как посвятить меня в свое достижение, он взял с меня «обет молчания», но это, я думаю, была скорее дань давнему «атавизму» с его забавными обрядами, ритуалами.

Я и раньше замечал за Герцем кое-какие «атавистические» наклонности. Его отчеты о командировках на Территорию – он называл их «вылазками» – были написаны таким изысканным, цветистым слогом, что отрывки из них, положенные на музыку, порой звучали из динамиков в «боксах релаксации». Под них было хорошо пить кофе, вино, курить; описания не возбуждали, а, скорее, слегка волновали воображение, и оно само дорисовывало те детали, что сохранялись в моей памяти от прошлых командировок. Вспоминались причудли-

вые трансформации «тварей», попадавших на пути, то, как они корчились под действием направленного пучка медитативной ци, а затем, успокоившись, покорно выполняли мои мысленные приказы.

Но с чешуйчатой тварью, кинувшейся на меня со дна дупла, пришлось-таки повозиться. Я хотел посвятить ночь осмыслению встречи со Старгмом; связать его намеки, недоговоренности с той историей, в которую посвятил меня Герц, буквально прорыв туннель к строго засекреченным источникам. Но стоило мне отключиться, как тварь активизировалась и даже начала проявлять нечто вроде самостоятельной воли. Я мог, разумеется, избавиться от нее – пусть ползет, куда хочет, – но интуиция намекала мне на ее связь со Старгмом: не случайно же она оказалась именно в этом чертовом дупле! Что если тварь – аватар? Видимость? Призрак, напоследок брошенный в меня Мастером Трансформаций? А в том, что Старгм был Мастером, достигшим высочайших степеней Совершенства, я не сомневался.

Но кто мог обнаружить в нем уязвимую точку? Где было это слабое звено в безупречной, выработанной долгими медитациями, Сети внутренних связей? «Источник» намекал на внешнюю, насильственную Аннигиляцию, но этот процесс всегда начинался с какой-то одной точки на теле приговоренного. Ее отыскание, во избежание осечек, поручалось Особой Коллегии, куда поровну входили как продвинутые Бесстрастные, так и недалекие исполнительные «следаки». Первые разрабатывали программу на основе ряда конкретных показателей: данных сканирования, напряжения энергетического поля со всеми «атавистическими» пиками, – вторые тупо запускали подготовленный процесс и фиксировали его разрушительные этапы.

«Атака» начиналась с висков, где духовная аура – по старинке «нимб», – замыкалась в полукольцо, на концы которого и подавался первый разряд. Обычно он бывал слабым, почти нечувствительным, но достаточным для запуска всего «процесса», начальный этап которого, вероятно в шутку, «следаки» называли «инфантилизацией». У них, у этого «контингента» – не могу подобрать другого определения – было весьма странное чувство юмора. Наблюдая «необратимый распад», больше похожий на «самопоглощение» или «аутолиз», они искренне потешались над последовательным исчезновением фрагментов «объекта» как в статике, так и в динамике. Это было уже не принципиально – «височный разряд» напрочь выключал личную волю «объекта», замещая ее «гравитонной постоянной». Природа этой силы до сих пор остается до конца непознанной, но ее действие проявляется во всем и не прерывается ни на кратчайший миг. Впрочем, последнее уточнение совершенно излишне, ибо слово «миг» в этом контексте тождественно Ничто. Все основание мира, вся так называемая Вселенная держится этой силой, не имеющей, похоже, уже никакой иной, более глубокой, тонкой основы своего существования. Не знаю, ощущает ли, точнее, осознает ли действие этой силы сам «объект» в процессе Аннигиляции; в пользу этого предположения говорят лишь смутные косвенные свидетельства, доверять которым я не склонен.

Герц докопался до тайного протокола, где описывалась Аннигиляция одного из высокопоставленных Белых. Похоже, он пал жертвой каких-то внутренних интриг; процесс был на особом контроле, но секретарь почему-то не внес в «Дело» приговор, зато подробно, в манере спортивного комментатора, зафиксировал все этапы Аннигиляции: вот исчезло левое ухо, правое плечо втянулось в грудную клетку и вслед за ним стала плавно оседать и проваливаться в межреберное пространство голова... В эти мгновения датчики порой засекают импульсы, подобные тем, что возникают при столкновениях кварков при сверхвысоких скоростях и температурах. Но «объект», думаю, это был кто-то из Магистров, стойко безмолвствовал, и это, судя по дальнейшим записям, привело в замешательство даже «следаков», которым, в общем-то, было наплевать на личность сужденного. Они даже устроили тайный тотализатор в процессе экзекуции, где ставки делались на последовательность исчезновения той или иной части тела, и все попытки пресечь этот совершенно варварский «атавизм» оказались тщетными.

.....

После вспышки похищенного шара и исчезновения приговоренных к изгнанию на Территорию «объектов» А и Е – так они значились в протоколах судебных заседаний – Устроитель впал в некоторую задумчивость. «Следаки», расставленные по всем стеновым башням, отмечали его одинокие прогулки по гребню, без привычного «колпака», без «эскорта теней» – что-то типа взвода из состава Личной Гвардии. Устроитель мерным шагом двигался вдоль раздвоенных зубцов, но иногда замирал и, припав к окулярам инфракрасного бинокля, всматривался в темное молчаливое пространство по ту сторону Рва. Непонятно, что Он там высматривал; Он, кстати, мог вести свои наблюдения и через расставленные по всему периметру видеокамеры, не покидая Кельи – так именовалась его личная жилая капсула – но что-то, похоже, какая-то атавистическая «заноза», душевный «заусенец» не давал Устроителю покоя, поднимая его с уютного просторного ложа, которое все чаще разделяла с ним та, которая...

Имя ее произносилось исключительно шепотом при том, что интрижка была у всех на виду. Старгм, разумеется, узнал об этом последним, но ничем своих чувств не проявил. Почти сразу после исчезновения А и Е Устроитель дал ему задание выследить изгнанников, что было непросто: вспышка шара уничтожила все их следы на расстоянии полудня хорошего хода, а те слабые повреждения растительных покровов, которые отмечали спешно посланные вдогонку «следаки», чаще запутывали преследователей, нежели давали хоть какое-то приблизительное направление дальнейших поисков. К тому же считалось, что не имеющие ни специальных навыков, ни защитных покровов А и Е так или иначе обречены на гибель. Территория представлялась чем-то вроде заброшенного, затерянного во Времени и Вечности, пустыря, только на мониторах или с гребня Стены, но те, кто имел достаточное число «командировок» – как мы с Герцем, – отлично знали, насколько обманчиво это представление. С десятков посланных вдогонку «следаков» исчезли как дым; четверым повезло больше, от них хоть остались какие-то ошметки, и их после генетического опознания торжественно вмуровали в Стену по обе стороны Главной Караульной Башни – ГКБ – дабы прославить беззаветную доблесть ее служителей.

В поисковую команду Старгма эти деятели не входили. Правда, Устроитель, обозначая конечную цель и общую стратегию поисков – это он делал, надо отдать должное, мастерски – пытался внедрить в ПК нескольких (около полудюжины) ГКБ-шников под видом «технического персонала», но Старгм «вычислил» их на первом же собеседовании и, естественно, «зарубил». Он искусно подвел это под статью «экономия бюджета», но зато в графе «оборудование» выставил такую цифру, что ее решились представить Устроителю лишь после долгих согласований и обоснований. Опасения были напрасны; Устроитель, что называется, «подмахнул не глядя».

При беглом знакомстве с историей ПК, позже переименованной в Экспедицию, мне это сразу показалось подозрительным; Устроитель, как известно, был скуповат и даже склонен к некоторому, быть может, демонстративному, аскетизму. Но при анализе оборудования: сканеров, коптеров, геолокаторов, «щупов» – в списке был даже примитивный аналог гравитона – я обратил внимание на чрезвычайно мощный, но очень компактный – с пачку сигарет – излучатель направленного и очень точного – снайперского – действия. ИНД. Им был снабжен один Старгм. Он двигался впереди отряда; в случае внезапной корпускулярно-волновой агрессии, включал защитную «волну»; та сама определяла частоту и импульс встречного потока и «гасила» его по принципу интерферометра.

Предположение, что «шар» взял изгнанников под «свое крыло» было не лишено оснований. В случае опасности «шар» мог прибегнуть к новой и, быть может, более яркой вспышке, чье действие могло не просто погубить отряд, но не оставить ни малейшего следа на месте трагедии. Мощность ИНД и его эффективность проверили в одном из «супер-ускорителей» Большой Спирали; «луч» «гасил» все, что несло к нему навстречу со скоростями, втрое превы-

шавшими скорость света. Кварки, бозоны, Y -цви – сгорали на виражах, не оставляя на суперчувствительных пластинках ни малейших помутнений. Это могло быть косвенным указанием на то, что в этих частицах заложена программа саморазрушения, основанная на принципе $E=mc^2$: на таких скоростях энергия «взрывала» частицу даже при самой ничтожной массе. Но так как частицы, сколь бы ничтожными они ни были, все же представляли собой некое Нечто, и Закон Всеобщего Сохранения – ЗВС – исключал его переход в Ничто (этого нет, потому что этого не может быть, потому что этого не может быть никогда), оставалось предположить, а по факту утвердить наличие неких $X... U...$ – короче, доселе непознанных и, следовательно, не названных, частиц.

Математические модели подтверждали такое предположение, но они же с несокрушимой логикой подвергали сомнению практику Обнуления, механизм которого так долго и тщательно разрабатывали Бесстрастные. Сомнение вносило беспокойство в умы обитателей Пирамиды, ободряло осужденных, внушая им некие смутные надежды, а это, в свою очередь, стимулировало дальнейшие разработки – порочный круг замыкался, и разорвать его могла лишь какая-то эффектная демонстративная акция. Те же A и E , пойманные, доставленные, аннигилированные до стадии «яиц», а затем помещенные в самый напряженный виток Спирали и распыленные по всей ее протяженности.

И потому, прежде чем поисковый отряд выдвинулся на Территорию, были организованы два пробных распыления. Одно с «картиной», взятой наугад, по жребию, из запасника, другое с «яйцом» -анонимом, дабы при проведении опыта исключить личностные атавистические всплески. Кому-то аннигилированный мог приходиться другом, родственником; нет, выбранный «объект» должен был быть «всеобщим и ничьим» – этот девиз, озвученный самим Устроителем, провозглашался из динамиков в секциях, жилых капсулах и даже интимных камерах, настраивая обитателей на скорбный и торжественный лад, присущий столкновению с Непостижимым.

Акция прошла превосходно. Встречные потоки озаряли витки длинными клиновидными всполохами, вгонявшими зрителей в почтительный трепет, и при этом стенки оставались настолько прозрачными, что возникало подозрение, что процесс аутоаннигиляции частиц вовлек в себя и материал самой Спирали. Скептики, по большей части из «крохоборов», угомонились лишь тогда, когда по завершении опытов по Спирали вновь потекла привычная надпись «FORTRESS», набранная на этот раз вытянутым по вертикали шрифтом с клиновидными окончаниями.

Проверку ИНД проводили скрытно, на менее обозримых участках Спирали. Скорость частиц там практически не снижалась, а сопло интерферона и поток его излучения направляли под разными углами, имитируя полевые условия. Курировал испытания сам Старгм; он же, уже в ручном режиме, проводил контрольную проверку. И потому, углубляясь в протоколы, я не мог понять, почему он не придал значения кратким импульсам слабого, практически локального действия и очень узкого диапазона. Испускаемая волна словно натывалась на невидимую преграду в радиусе вытянутой руки, отражалась и гасила сама себя, не достигая тела испытателя. Похоже, ей управляла некая внешняя воля, которая в любой момент могла изменить квантовые характеристики. Выходило, что Старгм отправлялся в экспедицию, имея при себе не только своего рода аутоаннигилятор, но и «цензора», имевшего возможность в любой момент прекратить поиски, если они примут нежелательный для него, цензора, оборот. В примечаниях содержался намек на то, что Старгм может состоять в тайном сговоре с изгнанниками, и что вместо того, чтобы в случае поимки вернуть их в пределы Стены или аннигилировать на месте, он войдет с ними в контакт, и они исчезнут все вместе с шаром и ИНД, заключавшем в себе новейшие технологические разработки.

Это были, правда, всего лишь подозрения, и вероятность, что они оправдаются составляла примерно 1 в минус 16-й степени. Устроитель хоть и иронизировал на этот счет, но все же

не без едкого сарказма добавлял, что в случае «1», его последствия усилятся именно в той же степени, но уже со знаком «+».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. МОМЕНТЫ ИСТИНЫ

Создание всеобщей теории строения Вселенной невозможно, ибо ее проверка на достоверность исключена по определению.

Аксиома

Выход экспедиции был обставлен с максимальной торжественностью. Даже работа секций была переведена в автоматический режим с тем, чтобы все, кто так или иначе был связан с этой деятельностью, могли подняться на гребень Стены и припасть к промежуткам между раздвоенными зубцами. Мест этих, естественно, хватило не для всех, но счастливиц выбирали по жребию. На площади перед Пирамидой был установлен огромный барабан; он крутился, внутри трещали и перекатывались пронумерованные жетоны, и желающие принять участие в их розыгрыше, должны были ловко и быстро выхватывать свой жетон из круглого отверстия в боковой деке. Жетоны были черные и белые; пронумерованы были только белые, и цифры на них соответствовали номерам просветов между надстенными зубцами.

Лотерея была равной, честной, очередь к барабану занимали с полуночи, вживую, без предварительной записи, и розыгрыш открылся, что называется, «с первыми лучами». Этим атавистическим выражением, взятым из Истории Всейности, открывалось любое, скольконибудь значимое общественное событие, скажем, очередное, и как всегда, навечно, бракосочетание Устроителя. Ибо «лучи» как таковые под сенью Пирамиды не наблюдались; их заменяло сияние Спирали, покрывавшее пространство внутри Стены мерцающим световым колпаком, сквозь который едва проступали бледные точки небесных светил. Их, разумеется, тоже могли погасить, затушевать, но оставили для того, чтобы командированные на Территорию, могли накануне выходов освежать свои ориентационные навыки без поддержки каких-либо navi-systems. Согласно некоторым данным радары этих устройств разрушали общее «информационное поле» Территории и обращали населявших ее «тварей» в совершенно беспомощные существа. Они теряли способность находить партнеров, строить убежища, добывать пищу, и в итоге погибали, образуя мертвые зловонные «зоны». Связь радарных излучений с омертвлением этих участков Территории представлялась сомнительной, и обратила на себя внимание лишь после серии опытов с искусственным оплодотворением. Делалось это с целью выведения особой линии Бесстрастных – БМ – чьи геномы изначально были, что называется, «заточены» на создание Программ Нового Поколения.

«Форматирование» такого по сути искусственного интеллекта начиналось на этапе первого деления оплодотворенной яйцеклетки. В хромосомные нити встраивались участки, отвечающие за синтез определенных белков, и в итоге, по замыслу Белых, у зародыша должен был сформироваться мозг с повышенным числом нейронных связей. Их должны были синхронизировать с новейшим программным обеспечением, и далее «тандем» действовал самостоятельно, получая входные данные и выдавая готовые решения. Этот «синтез» окончательно стирал грань между человеком и машиной, но так как Бесстрастные в глазах Белых давно опустились до положения сомнамбул, этическая сторона подобной трансформации изначально была «вынесена за скобки».

Но что-то пошло не так, как замышлялось. Некоторая часть генетически модифицированных зародышей останавливалась в своем развитии еще на стадии 16-го деления, а затем клеточный шарик словно выворачивался наизнанку, и жизненно-важные органы продолжали формирование уже внутри этого шарика. Процесс шел хаотично, и в итоге на свет появлялся либо бездыханный урод, либо безумный монстр, которого обнуляли еще до его первого вздоха.

Стали проверять происхождение геномов, взятых для эксперимента. Для сличения взяли пробы генетического материала из останков, найденных в «мертвых пятнах» на Территории. Выводы были неутешительны: причиной гибели оказалось питание животными и растительными тканями, мутировавшими под воздействием повышенного уровня электромагнитного излучения. Тогда-то из командировочного снаряжения и были изъяты все навигационные приборы, а деление на «прошрое» и «настоящее» перешло в разряд «атавизмов». Отныне каждый, кто вольно или невольно причинил вред или погубил на Территории хоть малейшую «тварь» или «травинку», считался преступником, и меру его вины и наказание, стали определять по статьям наспех состряпанного командировочного Кодекса.

Но теперь на Территорию отправлялся не искатель-одиночка, а целый экспедиционный корпус, и это требовало строжайшего соблюдения как мер собственной безопасности, так и минимизации «территориального ущерба». Так что пока на площади крутился барабан с жетонами, участники проходили последнюю проверку. У них изымалось все лишнее, вплоть до отработанных чип-карт, которые кто-то предложил использовать как маркеры во время дальних вылазок. Оставлен был лишь излучатель – ИНД – и несколько бухт оптоволоконного провода для обеспечения связи и трансляции движения отряда в режиме он-лайн.

Счастливики тем временем занимали пронумерованные места в просветах между зубцами. Некоторые выглядели при этом довольно потрепанными. «Барабан» крутился со средней скоростью, но тем не менее руки тех, кто не успевал выбрать жетон из грохочущей внутри него кучи, ударялись об стойку и стопорили всю конструкцию. Барабан останавливали, зажатую между декой и стойкой руку извлекали, а неудачника в случае потери сознания – от боли и счастья обладания заветным жетоном, – приводили в чувство, громко называя ему номер просвета между зубцами. Так что при взгляде со стороны Рва вид у большинства зрителей на гребне был изрядно помятый. У кого-то висел на нитках рукав пиджака; у многих не хватало пуговиц на рубашках, так что концы воротничков держал вместе лишь перекрученный галстук; были и калеки, те, чьи руки до подъема на Стену успели заключить в свежие, тяжелые от сырости, гипсовые оболочки. Были и такие, кто вообще оказался не в состоянии занять с таким трудом отвоеванное место, и их жетоны разыграли между собой «следаки». По внешнему виду они выгодно отличались от калек между зубцами, но выглядели настолько одинаково, что казались манекенами или поясными мишенями в стрелковом тире.

Участникам экспедиции было, я думаю, не до этих нюансов. Они один за другим переходили через Мост и выстраивались в шеренгу по ту сторону Рва. Последним перешел Старгм. Внешне он почти ничем не отличался от остальных, разве что был чуть повыше и пошире в плечах, но со Стены это различие было практически незаметно. Правда при ходьбе он слегка припадал на левую ногу – следствие перелома головки берцовой кости, полученного в одной из командировок – но и этот дефект можно было списать на счет неровностей земляной насыпи, на которой выстроился отряд. Над Башнями вознеслись треугольные шелковые штандарты с вышитыми по центру изображениями «райских яблок», и многие усмотрели в этом намек на истинную цель похода: пленение и возвращение изгнанников. Шептались даже о том, что в случае удаи похода их Аннигиляция будет торжественно отменена самим Устроителем, и в этой отмене тоже предугадывали некую далекую, но весьма туманную, перспективу. Кто-то полагал, что их могут низвести до положения «объектов»; кто-то, напротив, загодя присваивал им какие-то особые привилегии – короче, не успел отряд тронуться в путь, как его миссия обросла гроздью версий и предположений. Надо же было как-то убить время в ожидании момента, когда Устроитель займет свое кресло под защитным колпаком над Главными Воротами и, приподняв лобовое стекло, сделает благословляющий жест и скажет напутственное слово.

Устроителя ждали со стороны Пирамиды, точнее, из ее недр, откуда вел к колпаку наклонный туннель с заключенной внутри кабиной. Наделенные особо острым слухом и зре-

нием первыми различали маслянистый шелест ее скольжения, а затем, устремив взоры на слегка затонированную плоскость лицевой грани, следили за плавным нисходящим спуском зеркального многогранника. Достигнув входа в защитный колпак, многогранник замер, затем раздались сухие отчетливые щелчки герметизаторов, и внутри затуманенной радужными разводами полусферы возникли очертания невысокой, плотно сбитой фигуры с квадратными плечами и чуть склоненной к груди головой. Привычная осанка бойца, оставшаяся у Устроителя с тех времен, когда он наравне со всеми осваивал навыки выживания в условиях Территории. Выдающихся успехов в этом он не достиг, и потому, проходя практику, не отдалялся от Стены далее, чем на полдня хорошего пешего хода. Ходоком он, надо отдать должное, проявил себя отменным.

Кабина пришла, герметизаторы щелкнули, но вместо ожидаемой одной фигуры в колпак вошли две. Это отчетливо видели и стоящие на гребне, и участники Экспедиции, выстроившиеся на насыпи. Они развернулись синхронно, как по команде, выставив на обозрение провожающих неподвижные лица, испещренные маскировочными маркерами. Неясно, кто первым произнес слово «Она», но его тут же подхватили близстоящие; негромкий ропот распространился по насыпи, по Гребню, и вскоре все, даже те, кто остался на Площади и следил за отправкой экспедиции через специально установленные зеркала, невнятно, но шумно загомонили: Она!.. Она!.. Некоторые даже произносили с ударением на «О», отчего местоимение обретало звучание личного имени.

Молчали, по-видимому, лишь двое: Старгм, стоявший на небольшом холмике по ту сторону насыпи и шеренги своих подчиненных, и я, следивший за ним из тайно пробитого накатанного отверстия во внешней облицовке Стены. Она была сделана из особо прочного сплава и прикрывала узкую галерею, идущую по всему периметру и служившую ходом сообщения на случай отказа всех систем связи. О том, что явилось взорам обитателей Пирамиды там, надо мной, я догадался по отголоскам. О!.. О!.. О!.. – звучало на все лады и, проникая сквозь облицовку, в круговую разносилось по галерее. Стенки усиливали акустику, звуковые волны сталкивались, отражались, гасили друг друга, грохотали, попадая в резонанс или мечась в вертикальных перископических колодцах-ловушках, и когда они накатывали на меня с обеих сторон, мои ушные перепонки так трещали под их напором, что, казалось, они вот-вот лопнут, а череп разлетится на куски как перезревший плод.

Но зрение оставалось ясным, и я отчетливо видел лица стоящих на насыпи. Они орали, нелепо распялив округлившиеся рты; некоторые махали руками и в знак восторга подбрасывали над собой поднятые с земли камешки, пучки засохшей травы, но выражения лиц противоречили этим подобострастным жестам. На них читалось недоумение, и даже с примесью злости. Герц после окончания церемонии живописал мне картину проводов. Он наощупь, без труда, молниеносно выдернул из барабана нужный жетон и занимал одно из самых выгодных мест на Стене. Герц сказал, что сперва фигуры в колпаке угадывались смутно; было лишь ясно, что там их две, но когда стенки обзорного сектора разошлись, все увидели, что пара занимает два почти одинаковых кресла, и расстояние между подлокотниками не превышает ширины ладони.

Устроитель и Она, как и положено по протоколу, были неподвижны как статуи, и лишь когда восторг зашкаливал за все мыслимые пределы, слегка склоняли головы в зазубренных по верху золотых венчиках и поднимали на уровень плеч ладони с разведенными в виде «V» пальцами. При этом лицо Устроителя немного оживлялось подобием улыбки; Она тоже улыбалась, но уголки ее губ были опущены вниз. Все выглядело так, словно Устроитель отдельно, от себя, посылал отряду прощальное благословение; Она же прощалась с одним Старгмом, стоявшим на холмике и на голову возвышавшемся над всей шеренгой.

Как я отметил ранее, Старгм не кричал. Его взгляд тоже был направлен в сторону колпака, но был рассеян как у человека, чьи мысли витают далеко от его физического тела. Ино-

гда он переводил глаза на Стену, и в какой-то миг мне почудилось, что его взгляд уперся в мое наблюдательное отверстие. Рассеянность ушла. Взгляд сделался так ясен и пронзителен, что обличовка словно растворилась, и мы остались в мире только вдвоем. Я не знаю, что это было; помню только, что мне вдруг ВСЕ СТАЛО ЯСНО. Я и до этого мгновения смутно подозревал, что смысл существования – временного, вечного: не суть – заключается именно в этих прозрениях, случающихся внезапно и без каких-либо предвестий, условий или причин. Иначе их можно было бы вызвать искусственно, создав соответствующие условия. Но тогда это не были бы прозрения; это было бы что-то иное, что-то типа тех феноменов, которыми порой так кичились «крохоборы», гоня потоки частиц по виткам Спирали и демонстрируя возникающие на ее стенках туманности. Возникла мысль, что Старгм хочет взглядом сообщить мне нечто такое, что невозможно выразить никаким иным способом, что слова, жесты, мимика – все это в избытке демонстрировали стоящие на насыпи – лишь замутняют чистые ключи, бьющие со дна души.

Не знаю, передалось мне в тот миг что-нибудь или нет; могу только сказать, что с момента, когда за лесистым холмом скрылся последний участник похода, в моем поведении произошли некие перемены. Я стал меньше болтать и старался по возможности уклоняться от участия в Оргиях, а если это не удавалось, стремился проскользнуть в уединенную интимную камеру и запирался там в одиночестве, не откликаясь на призывы присоединиться и не отпирая дверь на условный стук. Впрочем, с уходом отряда Оргии и сами по себе устраивались реже, а в зале, где они происходили, установили даже огромный монитор, на котором в режиме он-лайн транслировалась Хроника Великого Похода.

Какие восхитительные картины нам открывались! Цвета, формы ландшафта – все переливалось, шелестело, звенело; почва, то твердая, голая, в выбоинах и щербинах, то вязкая, засасывающая, тряслась, зыблилась, коробилась, растрескивалась под подошвами путников; над головами то сплеталась, то расступалась путаница ветвей, открывая лазоревые просветы, и все это было обиталищем бесчисленных разнообразных «тварей», чьи названия можно было отыскать лишь в пухлых справочниках-приложениях к Истории Всейности.

Даже гибель в этой загадочной восхитительной стихии представлялась чуть ли не торжественным актом, жертвоприношением незримому Творцу, чье существование не требовало никаких доказательств. Все окружающее, вплоть до мельчайших деталей, свидетельствовало о Всемогушем Разуме и Воле, составлявших самые причудливые сочетания и не дававших им распасться на бесформенные безжизненные фрагменты. Все члены этого грандиозного механизма двигались удивительно гармонично, а порождение и поглощение совершались в столь точно рассчитанных пропорциях, что сам механизм представлялся абсолютно несокрушимым.

В начале пути отряд, очарованный этой роскошью, словно забыл о цели Экспедиции. Впрочем, о ее конечной, истинной задаче, знал, похоже, один Старгм. На остановках, после сеансов общей медитации, когда все участники садились в круг, он выходил в центр и, выставив перед собой овальный щит с рельефом окружающей местности, указывал точку следующего привала. Каждый отмечал ее на своей карте, затем все расходились в разные стороны, чтобы собраться в ней в назначенное время. Никаких специальных заданий не назначалось; каждый был волен творить все, что ему вздумается, и был ограничен в своих действиях лишь статьями командировочного Кодекса с его основным положением, помещенным на кожаную обложку в качестве своего рода эпитафии: не навреди. Надпись была вытеснена золотыми буквами и окаймлена вытянутым овалом с копьевидными окончаниями. Это был как бы намек на «яйцо», в которое путем Аннигиляции, будет обращен тот, кто вольно или невольно нарушит это фундаментальное положение. Более того, на основе этого знака для каждого участника были изготовлены два талисмана: Большой и Малый. Первый, платиновый, был величиной с ладонь и крепился шпильками к клиновидному отростку грудины, прикрывая чакру Плоти. Второй, вырезанный из драгоценного камня: изумруда, рубина, топаза – в зависимо-

сти от статуса участника – был вживлен в центр лба чуть выше бровей, где, как утверждали Мастера Духовных Практик – особая, реликтовая, секта – помещается Ом. Объяснить, что представляет собой этот Ом, и почему он находится именно в этой точке, никто из них толком не мог, а когда вопрошающий становился слишком настырен, Мастер просто тыкал его в эту точку концевой фалангой среднего пальца. От долгих упражнений в пробивании различных плоскостей – от шелковой ширмы до титанового листа – палец делался как кремль. От удара простак лишался чувств, и пока он приходил в себя, кожа на его лбу чудесным образом срасталась, преобразившись в звездовидную отметину. Мастер взглядом спрашивал очнувшегося, будут ли еще вопросы, и когда тот отрицательно качал головой, воздевал к вершине Пирамиды выставленный средний палец и наставительно, едва разжимая губы, гудел: то-то же! Затем оба, прикрыв глаза и покачиваясь из стороны в сторону, двенадцать раз повторяли мантру ом, после чего замолкали, и когда резонансный гул стихал, наставление считалось окончанным.

Со стороны это могло показаться забавным, но особый приказ, исходящий якобы от самого Устроителя, запрещал иронизировать на этот счет. Был слух, что Он сам прошел все степени посвящения, и эти практики косвенно способствовали его возвышению над прочими обитателями Пирамиды. Но разглядеть на лбу Устроителя какой-либо след от суровых наставлений Мастеров не представлялось возможным. Он являлся обитателям либо под покровом защитного колпака, а если, как при проводах отряда, открывал обзорный сектор, его лоб был от челки до бровей закрыт плотной черной повязкой, испещренной мелкими клиновидными письменами.

Реальным, или, как говорят, «сухим остатком» от всей этой белиберды (мое личное мнение; sic!) оставался контакт Ученика и Мастера. Во всяком случае Герц, испытавший «внушение пальцем» на собственном лбу, говорил мне, что во время командировок, в дичайшей глуши, во тьме, в непролазных дебрях он, вместо того, чтобы метаться или пялиться на звезды, завязывался в «лотос» – особая реликтовая поза – и, мысленно сосредоточившись на точке ом, вдруг словно прозревал каким-то непостижимым образом. Перед ним открывался Путь – не направление на Пирамиду, но Путь в высшем, духовном, смысле – полученные накануне раны затягивались прозрачной пленочкой, а Духовная Сущность воспаряла ввысь и обозревала окрестность в поисках заказанных артефактов. Истории эти и, главное, как они излагались самим Герцем, больше походили на вдохновенные фантазии, но были те, кто к ним прислушивался. Для участников отряда накануне выхода был даже организован спецсеминар, где они с уже вживленными во лбы талисманами, проводили сеансы связи со своими Мастерами. Опыт считался успешным, если испытуемый изображал на какой-либо плоскости: ладонь, камень, песок – рисунок, внушенный ему его личным Мастером в ходе сеанса. После этого связь считалась установленной вне зависимости от взаимного расположения транслятора и приемника.

Мне эти упражнения представлялись чистейшим блефом, но, похоже, я ошибался. Никаких navi-systems у экспедиции не было; связь осуществлялась исключительно по оптоволоконному кабелю. Его тянули от стоянки к стоянке, а там, где это было невозможно, на обоих концах разрыва устанавливали лучевые ретрансляторы. Их старались крепить как можно выше, чтобы поток инфочастиц не встречал на своем пути никаких препятствий. Такой способ передачи сведений о движении отряда минимизировал пагубное действие излучения и максимально четко, без искажений, передавал «картинку» на большой монитор в Зале Оргий. Мы видели, как участники похода вечерами собираются вокруг костра, как они делятся впечатлениями от своих вылазок, но зрителям приходилось довольствоваться одними словами: сами вылазки оставались «за кадром».

Рассказы порой бывали на грани правдоподобия. Кто-то, пропадавший четверо суток и считавшийся погибшим №4, вдруг вылез из небольшого, поросшего изумрудной травкой, болотца на пути отряда, и на устроенном тут же привале жестами изобразил, как он провалился в глубокую расщелину и оказался в окружении рослых волосатых существ. Те долго изучали

его костюм, трогали защитные пластины на груди, а после затолкали в довольно просторную нишу в стене и наглухо задвинули выход массивной каменной плитой. Попытки отвалить ее оказались тщетными, но, мало того, вскоре он обнаружил, что нишу делит с ним еще какая-то «тварь». Описать, как «тварь» выглядит, он не мог, все происходило в темноте, но он ощущал ее приближение и жестами показывал, как сокращалось расстояние между ними. Скептики в зале негромко посмеивались, но когда рассказчик дошел до кульминации всего эпизода, монитор на мгновение погас, а затем из тьмы вместо полянки на краю болотца, проступила жуткая физиономия с низким лбом, массивной нижней челюстью и вывороченными ноздрями.

Все было снято, что называется, «крупным планом». Рожа скалилась, урчала, хрипела, а затем в экстазе закатила глаза и издала долгий сладострастный вопль. Снять такое мог только объектив, помещенный во лбу напротив рожи. Или камень, вживленный в кость над перекрестием бровей. Тем самым все дальнейшее: контакт с Мастером Духовных Практик, передача на монитор – являлось более чем убедительным доказательством наличия связи между Наставником и Учеником.

ГЛАВА ПЯТАЯ. РЕНА

Свиданий наших каждое мгновенье

Мы праздновали как богоявление...

История Всейности; т. XX; стр.1939, строки 23 – 24 сверху

Как разрешилась эта ситуация, публику, похоже не заинтриговало. Монитор отключили; зал погрузился в сумерки; загремели стулья, слышались охи, ахи, шумное прерывистое сопение, и я, предчувствуя во что все это выльется, тихо проскользнул в одну из интимных камер. Там меня ждала Рэна. Она была дочерью Дира Главной Караульной Башни и проникала в условленную между нами камеру по особым потайным галереям. Обычно она укрывалась в складках штор, затеняющих камеру от всполохов Спирали: «крохоборы» то ли демонстрировали свое усердие перед Устроителем, то ли окончательно утратили контроль над потоками кварков, меонов, бозонов и прочих частиц, разогнанных до сверхсветовых скоростей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.